

С Х И М О Н А Х Ъ С Е Р Г І Й .

(Семень Ивановичъ Яновскій и его Записки).

Въ 1876 году, 6 Января, на Богоявленіе Господне, въ Тихоновой пустыни, Калужской губ., скончался на 87 году жизни многоболѣзненный, слѣпой старецъ-схимонахъ Сергій, въ мѣрѣ статскій совѣтникъ Семень Ивановичъ Яновскій, какъ сказано на его могильномъ памятникѣ.

Родился Семень Ивановичъ въ 1789 г. 15 Апрѣля въ г. Глуховѣ, Черниговской губ. Родители его, отличавшіеся благочестивою жизнію, честностью, были коренные дворяне. Отецъ, Иванъ Ивановичъ Яновскій, служилъ въ военной службѣ, былъ храбрый воинъ, отличился во многихъ сраженіяхъ и походахъ подъ начальствомъ графа Румянцева-Задунайскаго, былъ въ извѣстной Кагульской битвѣ, получилъ двѣ раны и вышелъ съ пансіономъ въ отставку капитаномъ. Мать, Елена Максимовна, также изъ дворянской фамиліи Яценковыхъ. Всѣхъ дѣтей у нихъ было пятеро, воспитывали ихъ въ страхъ Божиимъ. Старшій Тимофей служилъ въ морской службѣ, второй Семень и меньшей Иванъ и двѣ дочери. Ульяна умерла еще дѣвницей, а Марія была выдана замужъ.

Дѣтство свое и первоначальное воспитаніе Сем. Ивановичъ Яновскій получилъ въ домѣ родителей, но записанный на казенный счетъ за службу отца въ Морской Корпусъ, онъ въ 1802 г., 12 лѣтъ, былъ отправленъ съ надежными людьми въ Петербургъ, гдѣ сначала его принялъ къ себѣ дѣдъ, адмиралъ Максимъ Петровичъ Коробка, состоявшій начальникомъ Балтійскаго порта въ Кронштадтѣ. Подготовивши его какъ слѣдуетъ, онъ по тогдашнему обычаю представилъ маленькаго Сеню Государю, который, милостиво обласкавъ мальчика, приказалъ принять въ Морской Корпусъ. Прекрасныя дарованія, острая

память и ревность къ наукѣ вскорѣ обратили на него вниманіе начальства; онъ получилъ чинъ гардемарина, далѣе унтеръ-офицера, и такъ проходя съ отличнымъ поведеніемъ и успѣхомъ науки, онъ въ 1808 г. Января 1 дня вышелъ первымъ по выпуску. Первый офицерскій чинъ всегда приводитъ въ восторгъ молодыхъ людей, болѣе нежели въ послѣдствіи адмиральскій. Радовало это и Сем. Ив-ча, но печалило то, что онъ рѣшительно не имѣлъ никакихъ средствъ на экипировку, которая стоила дорого. Отецъ его уже скончался, мать сама была скудна средствами, хотя и прислала ему 50 р. асс., да дѣдъ Максимъ Петровичъ нѣсколько помогъ; но все многого не доставало. Впервые грустно задумался молодой мичманъ. но дѣлать нечего: рѣшился взять у казны въ долгъ, чтобы послѣ вычитали изъ жалованья. Жалованье въ то время мичману давалось 200 р. асс., изъ этого вычиталось ежемѣсячно за обмундировку небольшой окладъ. Скучно было жить, какъ разсказывалъ самъ Сем. Ивановичъ; соединялся я съ товарищемъ и частенько не только чаю, да и ѣсть было нечего. Деньщику стыдно сказать, что не на что купить провизіи; скажу, бывало: мы въ трактирѣ будемъ обѣдать, а сами поѣдимъ хлѣбца, да такъ и проведемъ денекъ-другой.

Одно еще поддерживало Сем. Ив-ча, что его, какъ отличнаго моряка, посылали ежегодно въ походъ за границу, гдѣ всегда давалось двойное жалованье и столовые. Въ первый же годъ его выпуска была война со Шведами и Англичанами. Онъ назначенъ былъ въ походъ въ Финляндію, въ Свеаборгъ, и тутъ ему дано было весьма важное порученіе: изъ Свеаборга въ Або онъ долженъ былъ отвезти большую сумму серебра и золота къ главнокомандующему и обратно; онъ съ однимъ солдатомъ проѣхалъ черезъ непріятели по Финляндіи, удивительно какъ сохранилъ его Господь! По окончаніи войны онъ назначаемъ былъ въ походы; много разъ бывалъ въ Англіи, въ Голландіи, около Готланда вытерпѣлъ страшную бурю, фрегатъ былъ старый и сильно потекъ, такъ что едва-едва не потонули, но рука Всевышняго за молитвы матери хранила его. Любознательный къ наукѣ, онъ много пріобрѣлъ опытности и знанія; могъ бы и поправить свои средства, потому что жилъ всегда скромно, не участвовалъ въ компаніяхъ вредныхъ, но вотъ бѣда, имѣлъ страстишку къ хорошимъ Англійскимъ стальнымъ вещамъ и инструментамъ (и эта охота сохранилась у него до старости), накупалъ ихъ и тратилъ на нихъ большія деньги, такъ что нерѣдко долженъ былъ и бывалъ въ затрудненіи. Однажды, уже бывши лейтенантомъ, по возвращеніи изъ Англіи, гдѣ по обыкновенію накупилъ много вещей, онъ явился къ дѣду Максиму Петровичу. Добрый старикъ поругалъ внука за мотовство и напомнилъ ему, что его долгъ помогать матери, а не мотать зря деньги. Это очень

тронуло Сем. Ив-ча, тѣмъ болѣе что онъ очень любилъ мать и самъ всегда имѣлъ желаніе какъ-бы устроиться, чтобы помогать ей, но на дѣлѣ все не выходило такъ, да еще и долги... Надо перемѣнить свою жизнь, но какъ? Вдругъ, читая газеты, онъ узнаётъ, что корабль Русской Американской Компаніи „Суворовъ“ пришелъ съ большимъ грузомъ изъ Америки, и его хотятъ опять отправить туда съ готовымъ уже для этого вояжа кораблемъ „Кутузовъ“. Командиромъ уже былъ назначенъ лейтенантъ Панафидинъ, хорошій и опытный морякъ, а офицеры еще не назначены. Тотчасъ счастливая мысль блеснула, что еслибъ проситься поступить въ Американскую Компанію, служба казенная все равно считалась, чины шли, а совершить кругосвѣтное плаваніе такъ заманчиво и лестно для моряка, въ особенности для такого, какъ былъ Яновскій. Мечта за мечтой манила его. Сколько новаго увидѣть, сколько опытности пріобрѣсти можно, къ тому-же и въ матеріальномъ отношеніи хорошо, жалованье большое, а казенная половина шла сама собою. И такъ, рѣшившись, онъ поѣхалъ посоветоваться къ старику дѣду Мих. Петровичу, который не только одобрилъ его намѣреніе, но далъ и рекомендательныя письма къ г. Гагемейстеру и директору компаніи Булдакову. Оба начальника изъявили согласіе и, заключивши контрактъ, приняли его и велѣли заняться осмотромъ и поправкою корабля. Въ короткое время все было сдѣлано въ отличномъ видѣ, Корабль „Суворова“ хорошей Американской постройки купленъ въ Нью-Йоркѣ, прекрасно и красиво отдѣланъ. Оба корабля были вооружены все какъ слѣдуетъ для дальняго вояжа. Провизіи, что могло не портиться, взяли на три года. Вечеромъ въ Сентябрѣ отслужили напутственный молебенъ на палубѣ; вечеръ прекрасный, тихій; всѣ горячо молились, отправляться въ дальній вояжъ на нѣсколько лѣтъ, оставлять родину, родныхъ, друзей, вернешься-ли, увидишь ли еще родной край!.. Все трогало, но вотъ молебенъ конченъ, всѣ приложились къ кресту. Священникъ окропилъ св. водой всѣхъ и корабль, эту пловучую крѣпость, въ которую заключались они на три года. Утромъ подулъ попутный вѣтерокъ, и по поданному съ корабля „Кутузовъ“ сигналу снялись съ якоря.

Плаваніе вначалѣ было весьма благопріятное. Заѣзжали въ Копенгагенъ, потомъ Нѣмецкимъ моремъ прошли острова Аркадскіе, Шотландскіе, вытерпѣли тутъ сильный противный штормъ, едва не разбило ихъ о скалы; на вахтѣ стоялъ молодой лейтенантъ, отъ его неопытности едва не погибли. порывомъ вѣтра корабль такъ погрузился носомъ въ волны, что думали погибнуть, совсѣмъ зароется въ волнахъ. Хорошо, что капитанъ и Яновскій стояли тоже на палубѣ, тотчасъ скомандовали что надо, и онъ поднялся, только всего залило водой. Далѣе шли

Атлантическимъ океаномъ, который прошли, можно сказать, вдоль и поперекъ, далѣе Южнымъ, обошли Африку, о-ва Зеленаго мыса, заходили въ г. Порто-Прае, великолѣпная Африканская растительность, что за гигантскія деревья, одно дерево, буабабъ, 12 человекъ едва могли обхватить; говорятъ, оно допотопное. Но все это путешествіе описано подробно Яновскимъ особенно, въ видѣ журнала въ то время, весьма интересно. Переходили черезъ экваторъ, это бываетъ особенное торжество и праздникъ у моряковъ. Были въ Бразиліи, Рио-Жанейро, наконецъ Южную Америку, около мыса Горна, до Порта. Калао, въ Перу, въ Лимѣ. Въ Южномъ океанѣ вытерпѣли страшную бурю, но всемогущая рука Господня вездѣ спасала ихъ; только два несчастія: одного матроса во время бури оторвавшимся парусомъ сорвало съ мачты, и онъ погибъ въ волнахъ: другой также упалъ съ мачты и, не смотря на поданную помощь, погибъ. Чего, чего не перенесетъ морякъ! Каждую минуту онъ въ опасности, то бури, то можно погибнуть о подводныя скалы. Сколько зоркости, вниманія надо, малѣйшая ошибка вахтеннаго офицера, и все погибнетъ; надо испытать, чтобы понять весь ужасъ; ни одно сраженіе не сравнится съ бурей въ океанѣ, когда волны поднимаются какъ горы и корабль швыряетъ какъ щепку и бьетъ волнами, ужасная, страшная картина! Правда, пословица говоритъ: кто на морѣ не бывалъ, Богу не маливался.

Наконецъ Тихимъ океаномъ объѣхавши сѣверо-западную Америку, они стали подходить къ Сѣверной Ситхѣ. Послѣ почти годоваго плаванія, объѣхавши половину земнаго шара, по исчисленію прошли 45 т. верстъ. 25 Іюля 1817 г. благополучно прибыли въ Ситху, въ Малоархангельскій портъ. Слава и благодареніе Господу!

Тотчасъ пріѣхалъ къ нимъ на корабль правитель колоній Александръ Андреевичъ Барановъ, привезъ имъ всякой свѣжей рыбы, просилъ къ себѣ обѣдать, вообще принялъ ихъ очень гостепріимно, ласково. Барановъ очень умный, начитанный, опытный. самъ и пріобрѣлъ Ситху и 27 лѣтъ жилъ уже тутъ, радъ былъ гостямъ, а Яновскаго вскорѣ такъ полюбилъ, что черезъ полгода въ 1818 г. 10 Января онъ женился на его дочери Иринѣ Александровнѣ и занялъ мѣсто правителя всѣхъ Американскихъ колоній. Постъ не маловажный быть правителемъ такой обширной области, вести торговья дѣла, которыя были очень значительны; все лежало на немъ, такое довѣріе лестно для молодого 27 лѣтняго человека. Со всею ревностью занимался С. И. этою трудною обязанностью. Какъ отличный, опытный морякъ, онъ строилъ корабли, какъ самъ послѣ рассказывалъ своимъ дѣтямъ: черезъ мои руки шли милліоны, ежегодно оборотъ торговли былъ въ 1½ милліона, но благодареніе Господу, Онъ меня сохранилъ, я ни копейкой

не пользовался, получая жалованья 30.000 р. асс., хотя и при дорогой тамошней жизни я могъ половину оставлять и что нибудь скопить себѣ. Въ такомъ дикомъ, еще непросвѣщенномъ краѣ весьма трудно было жить, много разъ онъ подвергался опасности. Однажды Колоши сговорились убить его, но по счастію прислуга, женщина, знавшая ихъ языкъ, открыла заговоръ ихъ въ время, чѣмъ избавила отъ неминуемой смерти. Въ другой разъ девять человѣкъ вооруженныхъ Алеутовъ пришли къ нему съ намѣреніемъ убить, но и тутъ Господь сохранилъ. Онъ смѣло вышелъ къ нимъ, сталъ уговаривать, потомъ вынесъ имъ штофъ рому угощать, и дѣло кончилось миромъ: они оставили свое намѣреніе; послѣ онъ ихъ всѣхъ простилъ, но вскорѣ Богъ ихъ самъ наказалъ: двое изъ нихъ умерли скоропостижно, двое утонули, что очень подѣйствовало на другихъ. Да и мало ли труда жить среди дикаго, грубаго народа. Впрочемъ надо сказать, что Алеуты лучше, они смиренны и просты, а Колоши хуже.

Въ 1819 г. Яновскій предпринялъ вояжъ для обозрѣнія всѣхъ Американскихъ колоній. Для этого онъ, командуя самъ небольшимъ 80-ти футовымъ бригомъ, имѣя 40 чел. команды, съ женою и маленькимъ сыномъ, объѣхалъ всю Сѣверную Америку, почти до Берингова пролива, всего 7 тысячъ верстъ. Посѣтилъ Китовые острова, о. Св. Георгія и Павла, ос-ва Уналашку и Кадьякъ. Вотъ какъ самъ Яновскій рассказывалъ свое путешествіе.

„Плаваніе наше сначала было довольно благопріятное. Осмотрѣвъ Китовые о-ва, прибылъ я на о. св. Георгія, тамъ жители почти всѣ Алеуты, Русскихъ человѣкъ 12 было; всѣ живутъ въ землянкахъ. Главный промыселъ тамъ: во множествѣ водится песцовъ бѣлыхъ и голубыхъ, а лѣтомъ приплываетъ много морскихъ котовъ; они выходятъ на берегъ, и ихъ тутъ ловятъ, убиваютъ просто колотушками по головѣ, за одинъ разъ набиваютъ отъ 3 до 4 тыс., а въ годъ прежде добывалось до 100 т. штукъ, но отъ такого несообразнаго количества ихъ стало убывать, и мнѣ велѣно брать не болѣе 20 т. въ годъ; песцовъ же ловится до 1000 штукъ въ годъ. Зимой на полярныхъ льдинахъ приносятъ бѣлыхъ медвѣдей, но главный промыселъ котовъ, они у насъ дороги, въ родѣ бобра; величиною старые 3 арш., а молодой 1½ аршина. Ужасно жалко смотрѣть, когда ихъ бьютъ; матокъ стараются оставлять для приплода, но онѣ такъ оберегаютъ своихъ дѣтенышей, что нерѣдко собою закрываютъ ихъ, не даютъ убивать и буквально плачутъ, слезы такъ и льются. Ужасно жалко!

Далѣе посѣтилъ я Уналашку, Это совершенно пустынный островъ, покрытый густымъ лѣсомъ: тамъ Русскихъ также очень мало, все Алеуты, но они очень добрые, ласковые, приняли насъ очень радостно;

но престранный и смѣшной обычай у Алеутовъ; когда ихъ начальникъ ѣдетъ къ нимъ съ корабля въ лодкѣ, они кидаются въ воду, схватываютъ лодку на руки и несутъ на плечахъ на берегъ, потомъ всего его обсыпаютъ пухомъ: это знакъ великаго почтенія. Всѣ они живутъ въ землянкахъ, внутри обшитыхъ лѣсомъ; главный управитель тамъ былъ нашъ Крюковъ, уже 27 лѣтъ живетъ; разъ годъ къ нимъ приходитъ судно изъ главнаго управленія, привозятъ все что для нихъ нужно, и потомъ опять на цѣлый годъ они никого не видятъ и ничего не знаютъ: вотъ пустыня-то!

Этотъ Крюковъ разсказывалъ мнѣ, что однажды, плывя на большой байдаркѣ (байдарка—это плетеная изъ камыша лодка, обтянутая сивучей кожей, очень легкая), они видѣли морскую змѣю. Сначала видимъ. плыветъ какое-то чудовище; мы подумали, что это китъ, саженьхъ въ 50-ти, но вдругъ она поднялась перпендикулярно и подняла голову. О, ужасъ! громадина толщиною въ большую морскую бочку, аршина 1 $\frac{1}{2}$ въ діаметръ, голова въ родѣ лошадиной, и открыта пасть, мы оцѣпенѣли отъ страха. Она опустилась опять въ воду и за нами! Ну думали, пропали; но къ счастью на встрѣчу большое стадо касатокъ. Киты и всѣ большія животныя боятся касатокъ, это рыба небольшая, аршина въ 3, но онѣ ходятъ большими стадами и иногда заганиваютъ кита до смерти. Чудовище, увидавъ касатокъ, повертило и быстро удалилось отъ насъ. Такъ Господь сохранилъ насъ. Уналашку я оставилъ въ Октябрѣ и направился къ Кадьяку. Проходя проливомъ изъ океана въ Камчатское море, я встрѣчалъ ужасный сумдѣй. Такъ называется теченіе, противное вѣтру; тутъ поднимаются противныя теченію страшныя, почти перпендикулярныя волны, которыя сильно ударяютъ о корабль и иногда поворачиваютъ его совѣмъ; съ опасностью я едва подвигался. Застигнула ночь, мы проходили близъ одного острова, на которомъ огнедышащая гора извергала пламя, камни и искры постоянно черезъ $\frac{1}{4}$ часа; мы были близко въ верстахъ въ 5 отъ горы, слышали ужасный подземный шумъ, и вдругъ изъ горы подымается огненный снопъ, высоко разлетается искрами, потомъ замолчить, потемнѣетъ и черезъ $\frac{1}{4}$ часа опять. Великолѣпное, но ужасное зрѣлище природы! Наконецъ въ Ноябрь мѣсяцѣ я благополучно прибылъ на Кадьякъ и вышелъ на берегъ, потому что на кораблѣ жить было холодно. Ко мнѣ тотчасъ явились миссіонеры: іеромонахъ, іеродіаконъ и одинъ простой монахъ Германъ. Еще въ царствованіе Екатерины прислана была сюда миссія, состоявшая изъ 12 человекъ, но всѣ они кто умеръ, нѣкоторые замучены и остались только эти, вскорѣ даже одинъ о. Германъ. Не стану говорить о двухъ старшихъ, но скажу объ о. Германѣ. Это былъ святой жизни рѣдкій подвижникъ, жилъ уединенно пустыни-

никомъ на Еловомъ островѣ. Съ какой любовью онъ обращался съ Алеутами, какъ съ дѣтьми!

Во время моего пребыванія на Кадьякѣ, въ Ситху прибыло Американское судно изъ Явы съ зараженнымъ экипажемъ и распространило заразу: вскорѣ люди стали занемогать, и открылась смертельность. Болѣзнь начиналась такъ: насморокъ, кашель, изъ носа течетъ зловонная, заразительная матерія, жаръ, удушье, наконецъ колотье, и на 3 день человекъ умираетъ; но если захватить, пить потогонное, то выздоравливали. На Ситхѣ умерло человекъ 40. Когда болѣзнь еще не совсѣмъ утихла, пришло изъ Охотска наше судно и привезло изъ главнаго управленія важныя бумаги и представленія; исправляющій мою должность Хлѣбниковъ немедленно снарядилъ бригъ и съ нарочнымъ прислалъ мнѣ всѣ бумаги на Кадьякъ, а съ ними привезли и заразу. Она быстро распространилась по всему селенію и даже по всему острову, дѣйствовала сильнѣе, потому что не имѣли никакихъ мѣръ, и наступленіе холодовъ еще болѣе способствовало простудѣ. Въ жару несдержанные Алеуты пили холодную воду, даже глотали снѣгъ и ледъ, что губительно дѣйствовало на болѣзнь и ускоряло смерть. Зараза такъ быстро дѣйствовала, что трупы лежали незарытые дня 3—4; некому было копать могилъ и хоронить. Я употреблялъ всѣ возможные средства, ходилъ по больнымъ, увѣщевалъ, успокаивалъ, давалъ имъ пить бузину, чай, чтобы произвести испарину, и многіе изъ Русскихъ выздоравливали, а Алеутовъ трудно было уговорить. Находящійся тогда на Кадьякѣ старецъ о. Германъ неумоимо, съ самоотверженіемъ, посѣщалъ всѣхъ больныхъ, приготавливалъ къ смерти, увѣщевалъ приносить покаяніе, готовится къ будущей блаженной жизни, пріобщаться св. Таинъ; для этого онъ посылалъ іеромонаха, и такимъ образомъ много, много душъ онъ направилъ въ царствіе небесное. Кажется, онъ только одинъ изъ всего селенія не получилъ заразы.

Тогда я въ первый разъ посѣтилъ кажимъ, т. е. Алеутскую казарму. Это большой длинный сарай, рубленный изъ бревень, съ потолкомъ, но безъ печей, съ землянымъ поломъ, по сторонамъ сдѣланы нары, въ которыхъ Алеуты помѣщаются и спятъ съ своими семьями. Въ большіе холода это зданіе согрѣвается огнемъ, разложеннымъ посрединѣ на землѣ въ ямѣ, а дымъ выходитъ въ отверстіе, сдѣланное на крышѣ и въ потолкѣ. Въ это время въ этомъ зданіи находилось немного болѣе ста человекъ обоюга пола съ дѣтьми; всѣ они въ большомъ безпорядкѣ валялись въ нарахъ полуобнаженные, въ порванной одеждѣ, съ изможденными отъ болѣзни лицами, они представляли страшную печальную картину ужаса и отчаянія. При самомъ входѣ я пораженъ былъ страшнымъ воплемъ, криками отчаянія и стонами больныхъ и умирающихъ,

Я прѣшелъ по всему зданію, подходилъ, увѣщевалъ ихъ терпѣть, молиться Богу, велѣлъ давать имъ теплое питье. Содрогаюсь отъ ужаса, во всю жизнь свою ни прежде, ни послѣ я не видалъ и не могъ себѣ представить подобной картины ужаса, которая тогда представилась мнѣ. Я видѣлъ несчастныхъ матерей съ изможденными лицами и впалыми глазами при послѣднемъ издыханіи, а голодные дѣти ползали и отчаянно кричали, обливаясь слезами, и никто ихъ не утѣшалъ, всякому было до себя, нѣкоторыя матери уже умерли, а дѣти грудныя ползали, хватаясь уже за охладѣвшія груди, ища себѣ пищи. Сердце разрывалось и обливалось кровью, видя такую ужасную горестную картину вопля, отчаянія, смерти! О, Господи, Боже мой, воскликнулъ я: умилосердись надъ этимъ жалкимъ народомъ, надъ бѣдными созданіями Твоими! Я возвратился домой очень разсерженный, я послалъ туда все, что у меня было запаса съѣстнаго и питья, но къ вечеру самъ занемогъ также, жаръ, сильная головная боль, насморкъ, колотье: я думалъ, что уже и мнѣ пришелъ конецъ, но принялъ всѣ мѣры: напился бузины и велѣлъ укрыть себя, къ утру сильно вспотѣлъ, и мнѣ стало легче; дня 3—4 я не выходилъ, а потомъ опять пошелъ на-вѣщать больныхъ и распорядиться на счетъ умершихъ и оставшихся сиротъ. Недѣли черезъ 3 болѣзнь стала утихать, и въ Декабрѣ я сталъ собираться, чтобы отправиться обратно въ Ситху⁶.

Теперь надо сказать нѣсколько словъ объ отцѣ Германѣ, потому что эта личность имѣла больше вліяніе на всю жизнь Яновскаго. О. Германъ жилъ одинъ на пустынномъ Еловомъ островѣ, невдалекѣ отъ Кадьяка, и ежедневно посѣщалъ островъ. Это былъ дивный подвижникъ, его жизнь напечатана особой книжкой. Познакомился о. Германъ съ Яновскимъ тотчасъ по прибытіи на Кадьякъ. Несчастное событіе смертности ихъ сблизило; они вмѣстѣ ходили по больнымъ, помогали каждый чѣмъ могъ, и старешъ полюбилъ молодого человѣка, часто посѣщалъ его. Надо сказать, что Яновскій, получившій высокое, прекрасное образованіе, говорившій на многихъ языкахъ, хотя имѣлъ залогъ первоначальнаго христіанскаго воспитанія въ домѣ родителей, но оторванный отъ нихъ 12 лѣтъ, онъ зналъ религію, какъ большая часть молодыхъ людей, только теотерически, къ несчастію читался еще безбожныхъ сочиненій Вольтера и др. философовъ 18 вѣка, былъ христіаниномъ только по названію, а въ душѣ совсѣмъ сбился. О. Германъ это замѣтилъ, видя его хорошія душевныя качества и доброту, отъ всей души полюбилъ и желалъ обратить его на путь истинный. Простой, необразованный монахъ, въ ветхонькой рясоцкѣ, ежедневно посѣщалъ и по нѣсколькимъ часамъ бесѣдовалъ съ высокообразованнымъ молодымъ человѣкомъ, и тотъ, удивляясь самъ себѣ, съ жадностью

вслушивался и внималъ его словамъ. Иногда при всей своей учености онъ становился въ тупикъ и не могъ ему возражать, такъ умѣлъ онъ говорить,—такой даръ далъ ему Господь,—рѣчь его такъ и лилась своимъ потокомъ, о христіанской жизни, о любви Божіей, о вѣчности. Не видя время, они просиживали въ такихъ бесѣдахъ за полночь, но ночевать о. Германъ никогда не оставался, а уходилъ въ свою пустыньку. Сѣмя падало на добрую землю: по уходѣ молодой челоувѣкъ ощущалъ необыкновенную отраду въ сердцѣ, которое болѣе и болѣе согрѣвалось любовію къ Богу. Господь озарилъ его познаніемъ истины; въ мѣсяцъ знакомства съ о. Германомъ онъ сталъ совершенно инымъ. Старецъ внушилъ ему твердую вѣру, научилъ его молитвѣ. Словомъ, изъ молодого вольнодумца онъ сталъ высокой жизни христіанинъ.

Въ концѣ Декабря Яновскій отправился обратно въ Ситху. Въ этомъ пути они выдержали ужасную бурю; съ ужасною силою и порывами дулъ вѣтеръ, и въ океанѣ развело страшное волненіе, которое иногда обдавало маленькій корабль-бригъ „Ильмену“, волны иногда переливались черезъ корабль и нерѣдко отрывало и уносило въ море что попадалось; боялись, чтобы не снесло людей, несчастные, промокшіе до костей дрожали отъ холода. Такъ продолжалось 1½ сутокъ. Но благодареніе Господу, стало стихать, и 2 Января 1820 г. они благополучно достигли Ситхи и стали на якорь въ Малоархангельскѣ.

Продолжая свою жизнь въ Ситхѣ и занимаясь постоянно дѣлами, С. И. старался свободное отъ занятій время удѣлять молитвѣ, какъ научилъ его о. Германъ; но врагу рода челоувѣческаго конечно это не нравилось, онъ всячески сталъ нападать на него, наводя разныя искушенія, страхованія, и однажды ему было странное явленіе, вотъ его рассказъ. „Въ 1820 г., въ поздній вечеръ, я всегда ложился за полночь, чтобы отдохнуть отъ занятій. Я прохаживался по комнатѣ и размышлялъ о своей прошедшей жизни, о своихъ грѣхахъ; она такъ меня ужаснула, такой страхъ напалъ на меня, какъ я много прогнѣвалъ Бога, вдругъ передо мною явилась какъ бы книга, въ которой записаны всѣ мои грѣхи отъ юности, отъ 5 лѣтняго возраста; я оцѣпенѣлъ отъ ужаса, волосъ дыбомъ сталъ на головѣ, я былъ какъ бы на страшномъ судѣ безъ отвѣта, искалъ что либо въ себѣ добраго и ничего не находилъ, холодный потъ выступилъ у меня; какой-то голосъ шепталъ мнѣ: видишь, какъ велики твои грѣхи, Богъ не проститъ тебя, ты погибъ, вотъ адъ готовъ поглотить тебя. Мнѣ представилось, что домъ колеблется, половина дома уже обрушилась у самыхъ моихъ ногъ, полъ провалился и тамъ ужасная бездна, и внизу страшный огонь,—это адъ. Въ отчаяніи я схватилъ пистолеты, которые всегда были у меня заряжены и хотѣлъ лишить себя жизни. Но какой-то голосъ въ

сердцѣ отозвался: не отчаявайся, надѣйся на милосердіе Божіе, Онъ щедръ и милостивъ къ кающимся, до послѣдней минуты жизни не надо предаваться отчаянію. Конечно это были голоса моего Ангела-хранителя, я кинулъ пистолеть и, отступивъ шагъ назадъ, взглянулъ на Распятіе Спасителя, слезы градомъ полились у меня, я упалъ на колѣни и плакалъ, плакалъ пока не помню какъ заснулъ тутъ же. Просыпаюсь, встаю, утро, ничего нѣтъ, все на мѣстѣ, на душѣ спокойно. О, Господи, думалъ я, какъ велико Твое милосердіе! На другой же день я исповѣдывался и причастился св. Таинъ и тогда совсѣмъ успокоился“.

Проживши 4 года въ Америкѣ, Яновскій сильно сталъ скучать, тянуло на родину, и потому просилъ Американскую Компанію объ увольненіи. Въ то время жизнь тамъ была весьма трудная, со многими лишеніями, не смотря на то, что жалованья давалось больше 30 т., но достать нѣкоторыхъ продуктовъ негдѣ; изъ Россіи только два раза въ годъ приходила почта и привозили что надо. Разъ прислали боченокъ кислой капусты, то правитель такъ былъ обрадованъ, лакомились ей какъ дорогимъ десертомъ, а во многомъ недостатокъ, что намъ Русскимъ дорого. Ни рогатаго скота, ни птицы домашней, наприм. курица стоила 5 р.; десятокъ яицъ тоже 5 р.; все это рѣдкость, а все больше рыба и рыба морская. Климатъ суровый, все будто осень.

Вскорѣ присланъ былъ на смѣну Яновскому капитанъ 1 ранга Муравьевъ. Сдавши ему должность, Я-ій сталъ готовиться къ отъѣзду. Компанія предложила на его выборъ: если хочеть на томъ же кораблѣ „Бородино“, что пріѣхалъ Муравьевъ, отправиться тѣмъ же путемъ вокругъ свѣта, или черезъ Охотскъ. Онъ выбралъ послѣднее, потому что съ семьей пускаться въ такое далекое плаваніе было опасно, тѣмъ болѣе, что жена его была беременна, и такъ ему дали небольшой 80-ти фунтовый галетъ „Румянцева“, строившійся въ Ситхѣ, и 52 чело-вѣка команды и пассажировъ, которые отправлялись для торговли съ товаромъ въ Охотскъ. 4 Мая 1821 г. былъ назначенъ отъѣздъ. Отслужили напутственный молебенъ и простились съ своими сослуживцами, которые такъ его полюбили, что многіе плакали, даже Колоши и Алеуты всѣ прощались съ чувствомъ, привозили кто зелень и рыбы, модельки байдарокъ на память. Со всѣми простившись при крикѣ ура, они снялись съ якоря. Не смотря на все желаніе и стремленіе на родину, Яновскій самъ говорилъ, что съ глубокой грустью онъ оставилъ Ситху, гдѣ онъ съ такой честью прослужилъ 4 года, заслужилъ и благодарность начальства и любовь сослуживцевъ, ему было 31 годъ и онъ занималъ такой высокой постъ. Тутъ его Господь благословилъ семействомъ, наконецъ много, много перечувствовалъ и перенесъ онъ и отрадныхъ и тяжелыхъ ему только одному вѣдомыхъ чувствъ!

Погода была хотя какъ и обычно пасмурная, но тихая, и плаваніе отъ Ситхи до о. Атхи, куда имъ велѣно было зайти по торговлѣ, было самое благопріятное. Долго берегъ Америки видѣлся, высокія горы, которыхъ вершины покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, долго стояли въ глазахъ. Въ Атхѣ они пробыли нѣсколько дней и отправились снова въ путь. всего до Охотска надо было проѣхать 6.000 верстъ. Плаваніе океаномъ сначала также было довольно тихое, но когда стали подходить къ Курильскимъ островамъ. вѣтеръ крѣпчалъ, и волненіе поднялось ужасное. Мрачность была настолько велика, что ничего не было видно, и ихъ несло и обдавало волнами ужасно. Восточный океанъ особенно бурный, и волны такъ велики, какъ горы подымали и кидали маленькій корабль, а иногда громадная волна перекидывалась черезъ корабль и буквально заливала его. Команда, хотя была прекрасная, работала усердно, но ничего нельзя было сдѣлать, вѣтромъ такъ несло и прямо на Курильскіе острова, которыхъ за мракомъ нельзя было видѣть. Такъ продолжалось двое сутокъ. Наконецъ сквозь туманъ усмотрѣли страшную скалу, не болѣе 5 минутъ она была видна, покажется затѣмъ, чтобы еще болѣе устроить бѣдныхъ путешественниковъ. Новый порывъ, и волны закрыли отъ нихъ эту грозную скалу смерти. Ужасная минута! Гдѣ и въ чемъ искать спасенія? Тутъ-то крѣпкая вѣра и горячая молитва къ Господу только подкрѣпляютъ и спасаютъ человѣка. Страшныя ужасныя минуты переживаетъ человѣкъ. Надо было поворачивать, но какъ! Одни только моряки знаютъ, какъ опасно при такомъ ужасномъ порывистомъ вѣтрѣ въ океанѣ поворачивать, къ тому же они не знали, гдѣ именно находятся и какъ попасть въ проливъ и какой именно; сильнымъ вѣтромъ и волненіемъ ихъ несло на острова. Надо было избрать одно, или остаться на ночь на одномъ мѣстѣ, но боялись, что изъ океана волненіемъ выкинетъ на острова и разобьетъ, спускаться же въ проливъ наудачу тоже очень опасно. Извѣстно изъ исторіи Русскаго мореплаванія по Охотскому морю и Восточному океану, что болѣе всего разбивалось кораблей у Курильскихъ острововъ. Войдя въ каюту, съ горячею вѣрою, со слезами помолился С. Ив. Богу и въ изнеможеніи отъ усталости сѣлъ немного отдохнуть. Самъ не знаетъ какъ онъ какъ бы забылся и видитъ двухъ старцевъ, одинъ изъ нихъ будто по виду апостоль Петръ, указывая на другаго говорить: это святитель Николай, проси его, онъ тебѣ поможетъ. Опомнившись, онъ обратился съ молитвой къ угоднику, и вдругъ у него является мысль спускаться въ проливъ. Вышелъ на палубу и сказалъ командѣ, что рѣшился спускаться, надѣясь на помощь св. Николая, помощника по морю плавающимъ, чтобы слушались. Началъ командовать, пошли... бравая команда съ усердіемъ работала. Черезъ

часъ увидали птицъ и наконецъ китовъ, что ихъ обрадовало, потому что это признакъ, что попали въ проливъ; но тутъ встрѣтили опять сильное спорное волненіе, что бываетъ; когда теченіе моря противъ вѣтра, то волны такъ круто и высоко поднимаются, что какъ горы, и въ узкомъ мѣстѣ, въ проливахъ, это очень опасно, корабль бьетъ этими волнами, подымаетъ и кидаетъ какъ щепку. Наконецъ показались утесы горъ, множество птицъ парило, въ особенности красивые альбатросы садились на волны. Альбатросы весьма красивая птица, бѣлый съ черными пятнами, величиной въ 3 аршина, когда распуститъ крылья, они всегда парятъ надъ волнами и даже садятся на волны. Величественная была, но страшная картина; волны гнали корабликъ, съ Запада немного проясняло, но сзади была непроницаемая мрачность; по сторонамъ шли два кита и испускали фонтаны. Въ 9 часовъ вечера они прошли противъ и вступили въ Охотское море, небо прояснилось, вдали видѣнъ былъ Камчатскій мысъ Лапатка и гряды Курильскихъ острововъ, страшныхъ скалъ, о которые едва не разбило и не погибъ бѣдный маленькій корабль. Эти горы простираются грядой отъ Сѣвера на Югъ и всегда удерживаютъ мокрый туманъ. Въ Охотскомъ морѣ плаваніе было тихое, проходили мимо о. Сахалина, въ устьѣ р. Амура, тогда еще принадлежавшаго Японцамъ, прекрасный, плодородный, въ умѣренномъ прекрасномъ климатѣ. Наконецъ 26 Іюня они прибыли на видъ Охотскаго порта, противъ устья рѣки Охоты. Надо сказать, что входъ въ Охотскъ самый затруднительный, очень узкій, усѣянный подводными камнями, мелями, такъ что легко можно съѣсть на мель, надо опытнаго и умѣлаго лоцмана.

Въ Охотскѣ они пробыли до 22 Іюля, отдохнули, губернаторъ Ушинскій былъ хорошо знакомъ Яновскому и принялъ ихъ какъ родныхъ. Охотскъ небольшой и малонаселенный городъ, въ немъ ничего интереснаго нѣтъ, кромѣ, какъ рассказывали ему, зимой катанья на собакахъ, но какъ это было лѣтомъ, то и нельзя было испытать этого удовольствія, однако чтобы имѣть понятіе, запрягли 7 собакъ въ маленькія санки, родъ скамеечки на полозкахъ и прокатили по травѣ, по росѣ. Бхать отъ Охотска до Якутска иначе лѣтомъ нельзя какъ верхомъ, дорогъ проѣзжихъ въ то время не было, и поклажу выючать на лошадей. Нанявъ нѣсколько человекъ Якутовъ и 22 лошади, губернаторъ далъ казаковъ; 23 числа сѣли всѣ верхомъ, а маленькаго сына уложили въ корзину и повѣсили на лошадь, а на другую сторону для равновѣсія шкатулку; они выѣхали изъ Охотска. Дороги никакой, но Якуты знаютъ на память путь, провизіи и всякой дорожной принадлежности изъ посуды все надо взять, палатки также, потому что селенія рѣдки, и отдыхать надо просто въ полѣ или въ лѣсу. О труд-

ности этого путешествія и говорить нечего. По непроѣзжимымъ дорогамъ нѣсколько разъ приходилось переѣзжать въ бродъ рѣки и нѣкоторыя очень быстрыя и опасныя; вода хотя и по брюхо лошади, но такъ быстра, что лошадь съ трудомъ идетъ, а если лошадь споткнется бѣда: ее унесетъ съ сѣдокомъ и разобьетъ о каменистое дно; отдохнуть негдѣ, просто въ полѣ на землѣ, хоть и раскинуть шатры, но какое же это удобство? Къ тому же много было слуху о бѣглыхъ разбойникахъ, а тутъ еще нерѣдко нападаютъ и медвѣди, хотя на людей они рѣдко нападаютъ, а больше таскаютъ лошадей и провіантъ, какой попадется; для этого всегда зажигаютъ костеръ, потомучто медвѣдь огня боится, и при огнѣ никогда не тронетъ, но хитрое животное что дѣлаетъ? Онъ заливааетъ огонь: для этого окунется въ рѣку, намокнетъ, и подойдя къ огню, начнетъ стряхиваться и такъ не разъ, пока залетъ. тогда самъ опять онъ нападетъ на добычу. Такъ и у нихъ было, пропало 2 лошади и сумки съ провизіей, которыя послѣ нашли изорванныя и пустыя. Въ этотъ годъ особенно было много медвѣдей, потомучто былъ неурожай ягодъ, которыя это животное очень любитъ; много было слышно, что они разбойничаютъ: гдѣ лошадь, гдѣ быка зарѣжутъ. Медвѣдь вообще очень умное животное, напр., онъ очень любитъ лакомиться рыбкой; для этого онъ чтоже дѣлаетъ? Войдя въ рѣку, онъ надуется, чтобы шерсть вся распушилась, мелкая рыбка массами воткнется въ его шерсть, тогда онъ проворно выскочитъ и начнетъ стряхиваться, рыбка падаетъ, а онъ ее подхватываетъ; это впрочемъ болѣе живущіе около морей медвѣди. въ заливахъ, гдѣ водится мелкая рыба.

Тутъ съ Яновскимъ было ужасно непріятное происшествіе; лошадь его подошла къ рѣчкѣ напиться къ самому краю, а берегъ былъ крутенекъ, земля подъ ногами ея обсыпалась, пугливая Якутская лошадь испугалась и начала биться, стараясь сбросить сѣдока, потомъ закусилъ удила и понесла во весь опоръ; но какъ это было лѣсомъ и безъ дороги, между деревьями въ одномъ мѣстѣ пронеслась подъ наклонившееся дерево, о которое онъ ударился прямо нижней частью груди и животомъ; ударъ былъ такъ силенъ, что онъ съ сѣдомъ упалъ на землю безъ чувства, замертво и не могъ вздохнуть минутъ 10, наконецъ чувства возвратились, но ни вздохнуть, ни шевельнуться не могъ. Горькое чувство овладѣло имъ; вотъ. думалъ онъ, гдѣ пришлось умирать среди дикой пустыни, вдали отъ родины, умирать безъ покаянія. безъ напутствія христіанскаго. Господи, не дай погибнуть душѣ моей! Но милосердный Господь вездѣ хранилъ его. Наконецъ его нашли. подняли, влили въ ротъ воды и подали всевозможную помощь; онъ

чувствовалъ сильную боль въ груди и въ боку; остановились тутъ почевать; понемножку онъ оправился и могъ потихоньку ѣхать далѣе. Дорога становилась все труднѣй и труднѣй, переѣздъ черезъ Яблоновый хребетъ, то спускались съ крутизны, то снова подыматься круто, и это на далекое разстояніе тянется хребетъ, то переѣздъ черезъ рѣки весьма опасный, иногда спускались въ долины, гдѣ лежалъ вѣчный ледъ, и довольно толстый и не таетъ. Зимой его наносятъ огромную массу, а лѣтомъ между горъ солнце мало проникаетъ и его много остается; иногда приходилось ѣхать по самому обрыву горы, такъ что страшно глядѣть внизъ, но Якутскія лошади привыкли: ступаютъ осторожно и съ горъ спускаются очень осторожно, но бѣдныя не подкованы и о каменистую почву очень сбиваютъ копыта; выѣдутъ въ лѣсъ, дорога завалена валежникомъ, или лучше сказать, дорогъ и вовсе нѣтъ, только Якуты знаютъ, какъ проѣхать. Стало уже довольно холодно, хотя было еще начало Августа, но по ночамъ морозы, и по утру все покрыто какъ бы инеемъ. Переѣзжали чрезъ Чердальскій хребетъ, Аспидныя горы, ихъ очень много, грядой, ужасно трудно-крута, каменисто, скалы такъ и висятъ, мѣстами виднѣлись какъ бы изломанныя хребты, и камни обломками лежали въ низу, а другіе торчали какъ стѣны и даже нависли, угрожая упасть и задавить. Величественная, но мрачная, дикая и страшная природа! На нѣкоторыхъ утесахъ поставлены были кресты, которые далеко видно; видъ креста много даетъ чувства Русскому путешественнику, какъ могли взобраться и укрѣпить ихъ тамъ—удивительно. Селеній встрѣчали очень мало и рѣдко, а если и были, то это юрты бѣдныхъ Якутовъ, гдѣ ничего почти нельзя достать, юрта изъ бревенъ, обмазанная глиной, а печи большею частью дѣлаютъ изъ дикаго камня, обсыпанныя землей. Проѣзжая рѣку Бѣлую (она называется такъ потому, что течетъ по бѣлымъ камнямъ), дорога стала лучше, черезъ рѣчки и тундры были мосты и довольно длинные; болото тянется долго и гать, а въ нѣкоторыхъ мостъ—сажень 500 и даже въ 1200 сажень, но только мало исправныхъ. Черезъ большія рѣки были перевозки, въ родѣ барокъ или расшивъ, на которыхъ перевозятъ, наприм. на Алданъ, ширина ея верста, но за перевозъ берутъ дорого, по 50 коп. за лошадь, а за вьюкъ по 15 коп. и за человѣка тоже. Бѣдныя Якуты, чтобы не платить денегъ, перегоняютъ лошадей вплавъ, но это ужасно трудно для лошади: бѣдное животное иногда выбѣтается изъ силъ, теряетъ сознание, вдругъ повернетъ назадъ, бьется, бьется и тонетъ, хотя это и рѣдко, но бываютъ случаи, а которые переплываютъ, то такъ устанутъ, долго стоятъ, отдыхаютъ, дрожатъ всѣмъ тѣломъ, жалко смотрѣть; наши лошади не вынесли бы этого.

Чѣмъ ближе приближались къ Якутску, тѣмъ мѣста становились веселѣе, равнины, луга и дорога лучше, можно и въ экипажѣ пріѣхать, или хотъ въ телѣгѣ; вскорѣ показалась и широкая, величественная Лена, виды были такіе красивые, что только бы художнику снимать. Черезъ Лену переправляются въ большихъ лодкахъ, впрочемъ весьма плохихъ, но благодареніе Господу переправились и наконецъ послѣ 28 дневнаго весьма труднаго, сопряженнаго съ ужасными опасностями путешествія, добрались до Якутска, гдѣ должны были остановиться надолго, по болѣзненному и трудному положенію Ирины Александровны (жены). 21 Августа они прибыли въ Якутскъ и пробыли тамъ до конца Ноября. Тутъ Богъ далъ имъ дочь Марію. Якутскъ, хотъ городокъ и небогатый и скучный, но люди тамъ гостепріимные, ласковые, много Русскихъ, и такъ привѣтливо обошлись съ путешественниками, что они пользовались всѣми удобствами жизни, тѣмъ болѣе послѣ трудовъ и лишеній въ пути, все это показалось особенно дорого и отрадно. Проживши до Ноября и оправившись совершенно, надо было помышлять опять объ отъѣздѣ. Тутъ уже наняли большія повозки тройками, губернаторъ далъ конвой казаковъ, потому что тамъ много бѣглыхъ арестантовъ, нападаютъ, и безъ конвоя нельзя. Нанявъ съ собою прислугу, они отправились 21 Ноября. Морозы Сибирскіе ужасные, и въ такіе-то морозы везли 2 малютокъ дѣтей, одного 3 лѣтъ и 2 мѣсячную малютку. Не мало горя; но съ помощью Божіею все возможно. Доѣхали до Томска благополучно, но тутъ люди, нанятые до Петербурга, отказались ѣхать далѣе; оказалось, что они попали теперь на родину и далѣе не желаютъ. Дѣлать нечего, надо искать другаго, но добрый тамошній начальникъ принялъ участіе и прискалъ прекраснаго молодаго человѣка, который честно и исправно служилъ всю дорогу. Переѣзжая черезъ Уральскія горы, едва не лишились жизни. Это было на разсвѣтъ, они всѣ спали; спускъ съ горы ужасно крутой, обледенѣлый, надо было затормозить большую, тяжелую повозку, въ которой ѣхало все семейство; но ящикъ этого не сдѣлалъ, лошади не сдержали, понесли, на срединѣ горы надо было поворотить вправо, а прямо стремнина крутая и глубокой оврагъ, лошади несутъ прямо въ эту бездну, ящикъ кричитъ, они проснулись въ ужасѣ, а чѣмъ и какъ помочь? Съ горячей вѣрой обратился С. И—чъ къ Господу. Спаси Создатель, призвалъ въ помощь св. Николая, который его всегда спасалъ отъ неминуемой смерти... г, о чудо, лошадь коренная упала, пристяжныя все несутъ и тащатъ несчастную, наконецъ она ударилась о столбы, на самомъ краю бездны и тѣмъ остановила лошадей; оказалось, на краю оврага стояли столбики, но они уже до половины въ снѣгу и вдобавокъ на 7 аршинъ одинъ отъ другаго, были

когда-то и перила, но онѣ сломаны, попади лошадь между столбиковъ, всѣ бы рухнули въ стремнину, гдѣ рѣка.

Переѣхавъ черезъ Уралъ, дорога пошла уже со всѣми удобствами; вездѣ постоянные дворы удобные, къ тому же и теплѣе стало въ милой родинѣ. Вотъ—Малороссія! Кто можетъ выразить тѣ чувства, которыя испытываетъ человѣкъ, послѣ долгой разлуки возвращаться на родину; это надо испытать, чтобы понять, что такое родина, когда мы надолго разлучаемся съ ней. Родина святая, кому не дорога она! Но вотъ добрались и до роднаго Глухова. Можно представить себѣ радость нѣжной матери: старушка не видала сына, когда ребенкомъ отпустила его въ Петербургъ, и вотъ почти черезъ 20 лѣтъ онъ передъ ней заслуженный, съ семьей. Не меньше радовался и сынъ, онъ очень любилъ мать, а теперь онъ могъ и помочь ей, чего давно желалъ.

Повидавшись со всѣми родными, они не могли оставаться долго и поспѣшили въ Петербургъ.

Но въ Петербургѣ его ждали уже несчастіе и разныя неудачи. Истинно Слово Божіе: хотящіе о Христѣ Иисусѣ благочестно жити, гонимы будутъ. Это совершенно сбылось на С. И—вичѣ; какъ прежде все ему удавалось и счастье везло, какъ говорится, такъ напротивъ, съ тѣхъ поръ, какъ обратился онъ всѣмъ сердцемъ къ Богу, врагъ всячески сталъ возставать на него, то воздвигая на него разныя гоненія отъ злыхъ людей, то злая клевета возбуждала начальство, то разстройство въ дѣлахъ матеріальныхъ. Много, много приходилось терпѣть, Господь попускалъ, желая вести его не высокимъ и широкимъ, а узкою стезею, смиреннымъ и крестнымъ путемъ, ведущимъ въ царствіе небесное.

Первое, что постигло его, это то, что онъ лишился ожидаемаго большаго состоянія. Барановъ, отдавая за него дочь, далъ небольшое приданое, а обѣщавъ по окончаніи дѣла съ Американской Компаніей, съ которой онъ долженъ былъ по контракту получить болѣе милліона за свою службу, все это по наслѣдству передать своему сыну и дочери Иринѣ. Но что же случилось? Барановъ, отправившись уже послѣ отъѣзда Яновскаго изъ Ситхи на корабль, въ кругосвѣтномъ пути заболѣлъ горячкой, надлежащихъ медицинскихъ пособій ему не дали, онъ умеръ дорогой, и могила ему была океанъ. Но что же Американская Компанія? Захватила всѣ его бумаги и контракты и все скрыла. По приѣздѣ въ Петербургъ Яновскій сталъ спрашивать ихъ, ему сказали, что ничего нѣтъ, тогда онъ обратился къ нимъ съ просьбой, чтобы заплатили слѣдующія деньги его сыну и дочери; ему во всемъ отказали. Такая несправедливость крайне оскорбила и возмутила его, онъ завелъ съ ними дѣло. Но справедливая пословица: съ сильными

не борись, съ богатыми не тягись; дѣла, конечно, онъ не выигралъ. а раздраженная компанія лишила его слѣдуемой ему за его безкорыстную и усердную службу награды, годовое жалованье 30 т. руб. Скорбно было С. И—чу за все его усердіе и неутомимую, трудную службу ничего не получить. Но что дѣлать, надо было перенести; онъ продолжалъ казенную службу, въ которую тотчасъ по пріѣздѣ былъ принять. Но главное, самое тяжкое для него испытаніе было то, что скончалась его молодая, любимая имъ супруга, оставя ему 2-хъ малютокъ: сына Александра 5 и дочь Марію 2 лѣтъ. Это несчастіе поразило его сердце глубокою скорбію. Похоронивши ее на Смоленскомъ кладбищѣ, онъ сталъ проводить жизнь болѣе уединенную, удалялся отъ развлеченій міра, да и настроеніе его души было не таковое. Занимаясь постоянно службой, онъ свободное время иногда уѣзжалъ въ монастыри на Валаамъ. Такъ прошло два года, но малютки-дѣти, которыя нуждались въ попеченіи и присмотрѣ, побудили его вторично вступить въ бракъ. Въ 1826 г. онъ женился на хорошей, происходившей изъ дворянской фамиліи, дѣвицѣ, бывшей подругѣ его жены, которая всегда любила и ласкала его дѣтей, но небогатой, и послѣ свадьбы вскорѣ вышла въ отставку и оставилъ Петербургъ, переселившись на родину въ Малороссію. Но мы отвлечемся нѣсколько отъ повѣствованія, чтобы сказать нѣсколько словъ о двухъ ужасныхъ событіяхъ, случившихся во время пребыванія его въ Петербургъ. Это именно наводненіе, бывшее въ 1824 г. 7 Ноября. Вотъ разсказъ самаго Яновскаго, очевидца этого горестнаго событія.

„Я жилъ на Васильевскомъ островѣ во 2 линіи, домъ былъ каменный 2-хъ этажный, я жилъ въ нижнемъ, но довольно высоко; подъ нами было еще жильѣ и мелочная лавочка. Утромъ 7 Ноября въ 8 час. я пошелъ по должности, на экзаменъ мичмановъ въ Адмиралтейство, вѣтеръ дулъ крѣпкій съ Юго-запада. Подходя къ первой линіи, я увидѣлъ, что Нева выступила изъ береговъ и начала заливать площадь, 1-й корпусъ и Академію Художествъ. Исаакіевскій мостъ былъ высоко поднять отъ прибывшаго теченія съ моря, вскорѣ его разорвало и понесло въ верхъ рѣки, т. е. противъ теченія. Сообщенія черезъ рѣку не было; не имѣя возможности попасть въ должность, я возвратился домой, но вода настолько уже прибыла, что я шелъ по колѣно въ водѣ, добрался до средняго проспекта, какъ тамъ тротуары возвышены, то на нихъ было сухо, и я добрался благополучно до своей квартиры и не ожидалъ, чтобы вода могла дойти до нашего жилья, потому что этажъ былъ высокъ. По улицѣ ѣздили сначала въ дрожкахъ, но потомъ стали тонуть и принуждены были пустить лодки, вскорѣ къ нашему дому принесло небольшой домикъ. Подвалы наши и лавку залило, и вода

сквозь полъ начала показываться: я скорѣе отправилъ дѣтей въ верхній этажъ, а самъ сталъ спасать сундуки и шкапы съ книгами, до которыхъ былъ я большой охотникъ, но не успѣлъ я ничего сдѣлать, какъ вода хлынула въ окна, въ двери и затопила мгновенно, мебель вся плавала, вода была съ полу на 1 арш. и 2 вершка. Изъ втораго этажа въ окошко ужасное было зрѣлище. Экипажи съ лошадьми тонули, людей старались спасать на лодкахъ, а бѣдныя лошади выбивались изъ силъ, падали и тонули; съ 2-хъ часовъ вѣтеръ сталъ стихать, и вода замѣтно стала упадать, къ 8-ми часамъ вечера уже, показались тротуары, но пройти еще нельзя было. На другой день я отправился осмотрѣть свои казармы въ Галерной гавани. По улицамъ едва можно было пройти, онѣ все завалены были нанесеннымъ водой лѣсомъ, обломками разрушенныхъ домовъ, гдѣ выкинутыми и обмелѣвшими барками и всякимъ хламомъ, трудно было перелѣзть, тутъ валялись и трупы утонувшихъ людей, женщинъ, дѣтей. Ужасная, жалкая картина! Въ Галерной гавани я узналъ, что 3 большія казармы были снесены и разрушены, онѣ были хоть деревянные, но на сваяхъ; волненіе было такое сильное, и вода прибыла болѣе 3 сажень, то онѣ не могли устоять; но къ великому моему счастью и радости команда вся цѣла, ни одинъ не утонулъ: они спасались кто на крышахъ домовъ, кто на плывущихъ мостикахъ и обломкахъ. Милосердый Господь всехъ сохранилъ! Въ Галерной гавани почти все дома были снесены и разрушены, казенные яхты и фрегаты выкинуло на берегъ, большой запасъ корабельныхъ мачтовыхъ лѣсовъ вода разбросала по всему Петербургу. Впослѣдствіи я узналъ, что въ одной Галерной гавани утонуло до 100 человекъ, да на чугунномъ заводѣ по Петергофской дорогѣ 250 чел. Было показано въ вѣдомостяхъ, что всехъ утонуло 560 чел., но общая молва говорила, что всехъ до 1000 чел. Но кто исчислитъ все бѣдствія, все потери, причиненныя наводненіемъ? Они громадны. Начнемъ съ народа: положимъ, что утонуло только до 1000 чел. (по огромному Петербуртскому населенію это еще бы ничего), а сколько попросту дилось, схватили горячку, чахотку и умерли впослѣдствіи. Сколько умерло отъ печали, потерявши родныхъ, потерявши все свое состояніе. Сколько изъ богатыхъ людей стали нищими, потерявши все. У иного барки разбиты съ грузомъ хлѣба, пшеницы, пеньки, соли и др. многоцѣнными товарами, все поглощено волнами! На одной баркѣ подмокло сахару и др. вещей болѣе нежели на 10 милліоновъ. А въ подвалахъ, лавочкахъ, въ магазинахъ сколько золота перепорчено и совсемъ уничтожено дорогихъ вещей! Собственная моя форменная шинель вся была на бобровомъ, лучшихъ рѣчныхъ бобровъ мѣху, хранилась у лучшаго скорняка на Невскомъ проспектѣ, пропала бывши залита.

Этотъ скорнякъ изъ богатѣйшихъ потерялъ на многіе десятки тысячъ мѣховъ, которые всѣ подмокли, почти ничего не успѣли выхватить. Должно замѣтить, что вода, которая затопляла дома, была самая нечистая, вонючая, грязная, потому что прежде всего она вымыла всѣ помойныя ямы и ретирады и смѣшалась съ ними, а потому и послѣ наводненія всѣ каменныя зданія были повреждены и напитались этою сыростью. На другой же день назначенъ былъ графъ Бенкендорфъ на Васильевскомъ острову генераль-губернаторомъ, ему дана была команда, въ томъ числѣ и нашъ экипажъ, чтобы собирать разнесенные казенныя лѣса, помогать жителямъ строить дома, спускать яхты, выкинутые корабли, барки и проч. Исаакіевскій мостъ на 3 день былъ навѣденъ, улицы спѣшили очищать, чтобы можно было проѣхать Государю, и тѣла убирать. На 3-й день прибылъ Государь, сперва ѣхалъ на дрожкахъ, но по невозможности пересѣлъ на верховую лошадь, доѣхалъ до Галерной гавани. Его поразило это ужасное разрушеніе, тѣла не всѣ еще успѣли убрать, онъ видѣлъ утопленниковъ, его чувствительное сердце потрясено было скорбію, и онъ плакалъ! Немедленно прислано было пособіе лишившимся всего имущества, имъ раздавали хлѣбъ, калачи и другіе съѣстные припасы, раздавали деньги, теплыя одежды, потому что наступили холода. Безпріютныхъ, лишившихся жилищъ и всего имущества помѣщали въ дома, больныхъ отправляли въ больницы, дома исправляли по возможности или строили новые, раздавали кому корову, кому лошадь, оказывали всевозможныя пособія, дѣйствовали неутомимо, энергично. Пожертвованія со всей Россіи и изъ заграницы были огромныя. Изъ Англіи, изъ Гамбурга и изъ др. мѣстъ были присланы большія суммы для пособія пострадавшимъ. По Невскому проспекту вода доходила до Литейной и до Владимирской улицы, Литейная была затоплена. Въ Зимнемъ дворцѣ подвалы всѣ залиты, площади, Милліонная и Лѣтній садъ были залиты. Петербургская и Выборгская сторона очень пострадали. Я говорю, что всей великости потери невозможно исчислить, она громадна! Меня съ командой назначили спускать яхты и фрегаты на воду, помогать строить дома и пр. Каждый день съ 7 час. утра до вечера я былъ въ дѣлѣ и на холоду, такъ что отъ усердія своего сильно простудился, едва не получилъ чихотку; но благодареніе Господу, Онъ милосердный помиловалъ.

Другой разсказъ—это ужасное кровопролитіе, бывшее на другой годъ послѣ наводненія, именно бунтъ 14 Января 1825 г. „Послѣ смерти императора Александра I, послѣдовавшей 19 Ноября 1825 г. въ Таганрогъ, объявлено было, что вступилъ на престолъ братъ его Константинъ Павловичъ, находившійся въ это время намѣстникомъ Царства Польскаго въ Варшавѣ. Самъ В. К. Николай Павловичъ, Государь-

ственный Совѣтъ, Сенатъ, всѣ министры, войска и весь народъ были приведены къ присягѣ Константину I, и я принялъ присягу. Вдругъ въ короткое время, кажется, чрезъ 2 недѣли, получено изъ Варшавы отъ В. К. Константина Павловича, что онъ отказывается отъ престола, что онъ далъ обѣщаніе еще при жизни императора Александра, что онъ не будетъ царствовать и уступаетъ престолъ брату Николаю Павловичу, что объ этомъ тогда же составленъ актъ, въ 3-хъ экземплярахъ, одинъ находится въ Верховномъ Совѣтѣ, одинъ въ Невскомъ соборѣ и одинъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, что эти акты хранятся въ позлащенныхъ ковчегахъ, запечатанные печатью имп. Александра I, что объ этомъ извѣстно императрицѣ матери Маріи Ѳеодоровнѣ, Николаю Павловичу и предсѣдателю Государственнаго Совѣта. Народъ и никто этого не зналъ. А между тѣмъ въ Петербургъ и въ Россіи готовился тайный заговоръ, чтобы сдѣлать государственный переворотъ: уничтожить самодержавіе и ввести конституціонное правленіе.

Заговоръ этотъ начало имѣлъ вскорѣ по выходѣ нашихъ войскъ изъ Парижа. Заговорщики имѣли намѣреніе истребить всю царскую фамилію и сдѣлать республику. Чтобы привести въ исполненіе свое намѣреніе, заговорщики считали самымъ благопріятнымъ случаемъ, воспользоваться отказомъ отъ престола Константина. Они пропустили слухъ въ народѣ, особенно въ войскахъ, что Константина хотятъ отстранить и не допустить царствовать, что это все обманъ, будто онъ отказывается, что онъ идетъ изъ Варшавы съ войсками, но его удерживаютъ и хотятъ захватить въ плѣнъ, и др. подобныя басни пущены были въ ходъ. Когда объявили, что Константинъ отказывается отъ престола и требовали присяги Николаю, это было рано утромъ 14 Декабря; команда наша стояла въ казармахъ въ Галерной улицѣ, недалеко отъ Сената; въ 8 часовъ мы привели ее къ присягѣ и отвели въ казарму. Но самъ я, руководясь совѣстью, не хотѣлъ нарушить данной недавно клятвы Константину, не присягалъ и не подписывалъ присяжнаго листа Николаю. Мы не знали ничего о заговорѣ, а я желалъ по совѣсти, чтобы меня увѣрили и показали отреченіе Константина.

Между тѣмъ, не зная ничего, я еще не присягалъ Николаю и присяжнаго листа не подписывалъ и въ этотъ день сказался больнымъ; меня потребовали къ капитану, я не поѣхалъ, сказалъ, что боленъ. Въ такомъ положеніи меня могли бы прямо принять за соучастника съ бунтовщиками и отправить въ крѣпость; но добрѣйшій командиръ нашего экипажа капитанъ 1-го ранга Титовъ зналъ меня хорошо и хотѣлъ спасти, пріѣхалъ ко мнѣ на квартиру и спросилъ: отчего я не

подписалъ присяжнаго листа Николаю I-му? Я отвѣчалъ: по совѣсти. Онъ мнѣ сказалъ: не сомнѣвайся, другъ, совѣсть твоя будетъ чиста, я самъ вчера былъ во дворцѣ и видѣлъ подлинное отреченіе, а это вотъ что, вотъ что... и рассказалъ подробно о заговорѣ, что заговорщики воспользовались этимъ случаемъ и распускали эти нелѣпыя слухи. Подписывай скорѣй, я привезъ присяжный листъ, а иначе я долженъ немедленно тебя отправить въ крѣпость. Я благодарилъ его, тутъ же подписалъ, и мы съ нимъ дружески обнялись; онъ очень любилъ меня! Не прїѣзжая ко мнѣ, онъ могъ бы меня отправить въ крѣпость.

Главные заговорщики были: отъ артиллеріи поручикъ Рылѣвъ, полковникъ Пестель, Каховскій, Муравьевъ, также князь Оболенскій, Александръ и Николай Бестужевы (послѣдніе всѣ 4 брата были въ заговорѣ), Кюхельбекеръ и пр. Со многими изъ нихъ я былъ лично знакомъ, какъ наприм. Рылѣвъ былъ секретарь главнаго управленія—мнѣ знакомъ; Николай Бестужевъ—сослуживецъ, хорошо знакомый; Торсонъ, адъютантъ морскаго министра—мой товарищъ и другіе, всѣ пошли кто на виселицу, кто въ каторжную работу! Иные невинно обманомъ были увлечены, нѣкоторые изъ нихъ прекрасные, даровитые люди, наприм. Александръ и Николай Бестужевы съ большими дарованіями; Торсонъ прекрасной души человекъ, и жаль было его! По короткому съ ними знакомству, я опасался, чтобы меня не впутали и не посадили бы въ крѣпость, какъ и многихъ невинныхъ тогда хватали, но послѣ оправдали и выпустили. Но Господь хранилъ, не впутали. Говорятъ, что покойному государю Александру I передъ отъѣздомъ его изъ Петербурга въ Таганрогъ было секретно сообщено о заговорѣ и даже былъ присланъ списокъ нѣкоторыхъ заговорщиковъ. Это его до глубины души огорчило, потому что онъ всѣмъ старался дѣлать добро. Послѣ его смерти записку эту и списокъ нашли въ его кабинетѣ. Послѣдствія этого заговора были извѣстны по суду и были опубликованы. Теперь обращаемся опять къ нашему повѣствованію.

Возвратившись часу въ 9 на свою квартиру на Владимирской, слышу, что нѣкоторыя войска взбунтовались и бѣгутъ на Исаакіевскую площадь. Первые взбунтовавшіеся полки были Московскій и Лейбъ-Гренадерскій, они съ заряженными ружьями, и офицеры съ обнаженными шпагами шли скорымъ шагомъ по Гороховой и стали около Сената, желая захватить сенаторовъ; это было около 9—10 час. утра. Но сенаторы въ 8 час. присягнули и уѣхали во дворецъ, и Сенать уже былъ пустъ. Надо знать, что Государь, не зная о заговорѣ, съ вечера отдалъ приказъ военному генераль-губернатору Милорадовичу и др. властямъ, сенаторамъ и министрамъ, чтобы 14 числа Сенать

собрался въ 10 ч. утра, привели бы всѣхъ служащихъ къ присягѣ, и послѣ того сенаторы и министры съѣзжались бы во дворецъ. Но около полуночи чиновникъ Шервудъ былъ увлеченъ заговорщиками противъ воли и, узнавъ подробно о заговорѣ, явился въ полночь въ дворецъ и просилъ немедленно допустить къ государю Николаю Павловичу и лично объявить ему обо всемъ. Государь и вѣрилъ и не вѣрилъ, однако призвалъ коменданта дворца и Милорадовича и сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: 1, чтобы съ 7 час. утра 1-й Преображенскій полкъ съ заряженными ружьями былъ поставленъ на дворахъ дворца, 2, чтобы весь Преображенскій полкъ также съ заряженными ружьями стоялъ на дворцовой площади, также и кавалергарды и конная гвардія, артиллерія, Семеновскій и Измайловскій полки приведены были на дворцовую площадь; 3-е, чтобы г.г. сенаторы и министры привели къ присягѣ вмѣсто 10 въ 8 час. утра, а въ 9 час. чтобы Сенатъ былъ закрытъ и сенаторы и министры были во дворцѣ. Всю ночь скакали курьеры и адъютанты по всему Петербургу, развозили приказы объ этой перемѣнѣ. Къ счастью, заговорщики этого не знали, а потому все было исполнено по приказанію. Заговорщики покушались было увлечь въ заговоръ артиллерію, и трое офицеровъ стали было склонять солдатъ, но начальникъ тутъ былъ, велѣлъ арестовать офицеровъ, а артиллерію привелъ ко дворцу на площадь. Это счастье, что бунтовщики не успѣли склонить артиллерію, а то было бы большое кровопролитіе. Бунтовщики склонили въ заговоръ гвардейскій экипажъ. Бестужевъ кинулся было и въ нашъ 15 экипажъ, но тамъ не приняли, сказали, что они присягнули Николаю. Финляндскій полкъ тоже взбунтовался и кинулся ко дворцу просить корпуснаго офицера, который у воротъ гауптвахты, чтобы отворилъ ворота и впустилъ ихъ во дворецъ, но офицеръ не впускалъ; однакоже комендантъ по приказанію Государя велѣлъ отворить ворота. и тамъ Преображенцы приложились принять ихъ пулями, тѣ, какъ увидали, принялись назадъ по льду, по Невѣ подошли къ Сенату. Когда два полка, какъ потокъ рѣки стремились на Исаакіевскую площадь, то по улицамъ увлекали съ собой весь народъ, спрашивая: что ты, кого признаешь царемъ, Константина или Николая? И кто скажетъ Николая, то закалывали и разрубали, а кто кричалъ Константинъ, тѣмъ велѣли слѣдовать за собой и привлекли огромную массу простаго народа. Около Исаакіевского собора было поставлено нѣсколько бочекъ съ виномъ, поили народъ, чтобы стоялъ за Константина. Послали было къ бунтовщикамъ уговаривать митрополита Серафима. Мститый старецъ въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, сопровождаемый 2-ми протодіаконами, вышелъ на площадь, но ему закричали: ступай, убирайся, пока живъ, а то тебя сейчасъ же поло-

жимъ на мѣстѣ. Старецъ воротился, сѣлъ въ чью-то коляску, а прото-діаконы стали на запятки и пріѣхали ко дворцу. Тогда поѣхалъ уговаривать Милорадовичъ, Кюхельбергъ выстрѣлилъ ему въ животъ, еще нанесли ему рану въ ногу, такъ что его замертво отвезли въ домъ, и онъ черезъ нѣсколько часовъ скончался. Послѣ этого пустили конную гвардію и кавалергадовъ и жандармовъ въ атаку, но бунтовщики изъ за каменьевъ, заборовъ и сараевъ открыли мѣткій огонь по кавалеріи, а потому ее воротили назадъ. День уже склонялся къ вечеру, бунтовщики не сдавались, а между тѣмъ ихъ стало умножаться, потому что нѣкоторые изъ полковъ солдаты по одиночкѣ стали перебѣгать къ нимъ. Тогда уговорили Государя открыть огонь изъ артиллеріи картечью. Послали 12 орудій, сдѣлали по 2 выстрѣла, какъ бунтовщики дрогнули и пустились бѣжать по Галерной улицѣ, по Англійской набережной и чрезъ Неву, кидали ружья и спасались. Это уже смерклося, за ними въ погоню послали кавалерію, приказали хватать и приводить безоружныхъ, много перехватывали. Слава Богу все утихло! Гвардію поставили на бивуаки на Дворцовой, Адмиралтейской и Исаакіевской площадяхъ и вокругъ дворца и на Невѣ. Разложили костры огня на площадяхъ, и Петербургъ въ первый разъ увидѣлъ военное положеніе и лагери на площадяхъ! Всю ночь приказано было полиціи подбирать убитыя тѣла, считать и кидать въ пролубъ, чтобы къ утру очистить площади. Всего, говорятъ, убитыхъ было до 1000 человекъ. Въ этомъ числѣ немало было и простого народа, зѣвакъ, даже женщинъ и дѣтей, пришедшихъ посмотреть-позѣвать. Картечь хватала даже черезъ Неву на площадь Академіи Художествъ, и тамъ были убитые. Заговорщиковъ множество перехватывали, наполнили всѣ казематы въ крѣпости, другихъ разсажали по гаултахтамъ и отправили въ Шлиссельбургъ. Послѣ этого назначенъ военный государственный судъ. Открылось, что заговоръ былъ ужасный, чтобы умертвить Государя и всю царскую фамилію, сдѣлать переворотъ въ государствѣ и сдѣлать республику. Одинъ Богъ ихъ спасъ!⁴

Когда С. И. вышелъ въ отставку, то Американская Компанія, зная его безкорытность и знаніе въ дѣлѣ, предлагала и убѣждала опять вступить къ нимъ въ службу, обѣщая ему прекрасное мѣсто въ Петербургѣ, съ жалованьемъ въ 7 тыс. и квартирою. Онъ отказался, рѣшился оставить Петербургъ и переселиться на родину въ Глухово, въ Черниговской губ., надѣясь тамъ съ семьей пожить покойно близъ своихъ родныхъ. Но къ удивленію не нашелъ тамъ полного спокойствія, сталъ замѣчать, что родные, т. е. братья и сестры не полюбили его жены, не нравилось имъ, что она не богата, что воспитана по Петербургски, изнѣжена, все это было не по нимъ, и бѣдненькой при-

ходило отъ нихъ иногда тяжеленько, тѣмъ болѣе еще, что и горе за горемъ,—родилась дочь, прелестная малютка, но не доживши года отлетѣла на небо, черезъ годъ другая—и ту Богъ взялъ! Все это ихъ потрясло, жена тосковала, не могла привыкнутьъ къ образу жизни Малороссіяня, и рѣшились они, проживши 3½ года, уѣхать въ Россію. Приискали себѣ небольшое имѣніе и переѣхали въ Калужскую губернію. Тамъ С. И. занимался хозяйствомъ, семейство его умножилось, Богъ далъ 2 сыновей Николая и Ивана, и 2 дочерей, Елисавету и Елену, старшаго сына Александра отвезли въ Петербургъ, въ Морской Корпусъ, куда впослѣдствіи и меньшей былъ опредѣленъ, дочь старшая также была отдана въ пансіонъ къ Москву. Жить небольшимъ имѣніемъ стало трудненько, да и дѣтей надо воспитывать. С. И. сталъ искать службы гражданской, случай представился, ему предложили занять мѣсто директора Гимназіи въ Калугѣ, что онъ и принялъ въ 1834 г. переѣхалъ въ Калугу. Обязанность директора совершенно была по немъ, онъ такъ любилъ дѣтей и ревностно занимался, чтобы воспитывать ихъ въ христіанскомъ духѣ. Скорби все не оставляли его. Господь попускалъ на него тяжкія испытанія, но твердая вѣра и покорность волѣ Всевышняго его поддерживали.

Злая клевета возбудила противъ него начальство. Попечитель Московскаго округа графъ Строгановъ сталъ нападать на него и такъ сильно, что бѣдный С. И. не зналъ, что и дѣлать, хоть въ отставку подавать, передъ Господомъ только изливалъ свою скорбь, не зная самъ за что терпитъ. Бывши однажды въ Петербургѣ, Яновскій заѣхалъ къ князю Ширинскому-Шахматову, бывшему министромъ народнаго просвѣщенія. Все семейство кн. Ширинскихъ-Шахм. отличалось особеннымъ благочестіемъ и прекрасными свойствами; братъ этого князя былъ на Афонѣ архимандритомъ о. Аникита, извѣстенъ святою жизнію. Князь хорошо зналъ Яновскаго еще съ молодыхъ лѣтъ, даже въ корпусѣ, когда Яновскій былъ кадетомъ, князь былъ корпуснымъ офицеромъ, и послѣ всегда имѣлъ съ нимъ сношенія. С. И. разсказалъ ему чистосердечно всѣ свои обстоятельства, князь принялъ большое участіе, уговаривалъ его потерпѣть, не оставлять службы, обѣщая, что все уладится, и слѣдствіе ли его участія, или несчастіе постигшее графа Строганова (онъ упалъ съ лошади и разбилъ себѣ ногу, отчего цѣлый годъ былъ болѣнъ), заставило его перемѣниться; скорѣе первое, но когда Яновскій пріѣхалъ къ нему во время его болѣзни, то графъ принялъ его такъ любезно, такъ радушно, какъ никогда; просилъ продолжать службу и сказалъ, что Калужская гимназія у него на лучшемъ счету и пр.

Но проходила одна скорбь, возставала другая. Губернаторъ въ Калугѣ въ это время было С., онъ сталъ просить С. И. объ одномъ ученикѣ (его воспитанникѣ), чтобы дать ему право на поступленіе въ университетъ, а тотъ не только былъ достоинъ этого, но едва былъ терпимъ въ Гимназіи. Я-скій отказалъ, да и совѣтъ была противъ этого. Губернаторъ сталъ грубо настаивать, а директоръ и тѣмъ болѣе устоялъ, сказавши, что это не по совѣсти, да и отвѣчать можно было за него. Разсерженный губернаторъ нашелъ какъ отомстить директору. Онъ написалъ секретно шефу жандармовъ графу Орлову, что директоръ вольнодумъ, революціонеръ, воспитываетъ учениковъ въ либеральномъ духѣ, словомъ все, что только могла внушить злоба врага. Доложили Государю. Государь велѣлъ спросить министра нар. просвѣщенія кн. Шир. Шихм. Тотъ сказалъ, что это не можетъ быть, я знаю Я—го: онъ благонамѣренный человекъ, и предложилъ, такъ какъ въ это время назначена была ревизія на всю Калужскую губ., то предписать сенатору кн. Давыдову, чтобы строгое вниманіе обратилъ на Гимназію и директора, что тотъ и исполнилъ; а между тѣмъ и Калужскому жандармскому полковнику секретно дано предписаніе чтобы слѣдить за директоромъ и донести обо всемъ. Полковникъ хорошо зналъ Ян-скаго, его направленіе воспитанія и положительно опровергнулъ клевету. Это было при императорѣ Николаѣ Павл., когда строго на все смотрѣли и могли бы, не наводя справокъ, совершенно погубить, но Господь защитилъ его. Кн. Давыдовъ, разузнавши обо всемъ и познакомившись поближе съ директоромъ, очень полюбилъ его и вотъ все это ему рассказалъ о доносѣ См., при этомъ обнялъ дружески Ян-аго и сказалъ: будьте же покойны, я все донесу какъ слѣдуетъ. Такъ клевета обрушилась на главу клеветущаго; губернатору сдѣлали строгое замѣчаніе.

А сколько было тяжелыхъ, сердечныхъ скорбей, которыя приходилось перенести отъ людей близкихъ, людей, которымъ онъ много благоотворилъ, это еще труднѣе нести, но о нихъ лучше умолчать... Да проститъ имъ Богъ, какъ простилъ ихъ почившій и заповѣдавшій и дѣтямъ всегда прощать и молиться за враговъ. Послѣ гр. Строганова попечителемъ Московскаго Округа былъ Назимовъ; онъ съ особеннымъ расположеніемъ относился къ Я-му, когда пріѣзжалъ, всегда останавливался въ его квартирѣ, вообще весьма былъ благосклоненъ. Когда С. И., прослуживши 18 лѣтъ, по болѣзни сталъ проситься въ отставку, то онъ очень уговаривалъ его еще служить, предлагалъ представить къ чину, но Я-ій отказался и просилъ, если можно, дать ему добавочный пенсіонъ: въ то время окладъ жалованья былъ небольшой, 3 т. ассиг.; стало быть и пенсіонъ небольшой, а службы его было всей, какъ морской и гражданской, болѣе 40 лѣтъ. Состояніе его было весьма огра-

ничено, а воспитывать 3-хъ дочерей (старшая уже кончила) требовало расхода не малаго. Назимовъ исполнилъ его просьбу, къ тому же выдалъ ему прекрасный аттестатъ. Такъ въ 1852 г. Яновскій оставилъ службу. Семейство его жило въ Калугѣ, а самъ большею частью въ деревнѣ, гдѣ занялся построениемъ дома и усадьбы, чтобы переѣхать въ послѣдствіи туда на постоянное житье, что и исполнилось черезъ 3 года. Деревенская жизнь была по душѣ всей семьѣ, имѣніе хотя небольшое, но хорошенькое, и жилось имъ хорошо; но чрезмѣрная доброта С. И., которой пользовались и употребляли во зло его крестьяне, ставила его иногда въ затруднительное положеніе; онъ не могъ и не умѣлъ отказать когда его просятъ, а домашняя жизнь тоже требовала немалыхъ средствъ; къ тому же, онъ былъ всегда радушенъ въ приѣмѣ, хлѣбосолень, всякій находилъ у него и бѣдный, и богатый ласковый приѣмъ, всѣхъ съ любовью принималъ, и Господь удивительно какъ помогалъ ему: случалось иногда просятъ у него крестьяне кто на лошадь, кто на что, чуть не послѣдній рубль отдастъ, или хлѣбъ весною на паствы, все до зерна раздастъ; семейство когда и поропщетъ но скудости и нужды никогда не имѣли. Всѣмъ онъ всегда готовъ былъ сдѣлать добро, да и самъ не разъ говорилъ своимъ дѣтямъ: девизомъ моей жизни всегда было по возможности всякому дѣлать добро, и никому никогда зла; хотя бы былъ и врагъ твой, старайся всячески ему заплатить добромъ, то всегда будешь спокоенъ совѣстью. Дѣйствительно онъ почти всегда былъ миренъ и покоенъ, хотя постигали и тяжкія скорби; онъ хотя и скорбѣлъ въ душѣ, но никогда не упadalъ духомъ, даже если видѣлъ, что семейство приуныло, онъ первый всегда развлечетъ, успокоитъ, или если даже семейное какое смущеніе, отецъ являлся первымъ миротворцемъ, видитъ, что смущены чѣмъ, помалкиваютъ, онъ сообщитъ какой разсказъ, что читалъ или разскажетъ какой анекдотъ приличный, неволью заставитъ улыбнуться и такъ втянетъ всѣхъ въ общую бесѣду, и дѣло обойдется миромъ. Молитва или память Божія была всегда присуща ему; въ трудныхъ случаяхъ жизни недоумѣваешь бывало, говаривалъ онъ послѣ дѣтямъ, какъ поступить; тотчасъ обращаюсь умомъ въ сердцѣ и слышу голосъ: дѣлай такъ и такъ. Случалось, придетъ крестьянинъ „помоги, батюшка, отецъ родной, вотъ нужда, лошадь пала“, какъ быть денегъ мало, но голосъ въ сердцѣ говоритъ: просящему у тебя дай, и я перекрестясь отдавалъ послѣдній рубль. Или случалось оскорбленіе, непріятность отъ кого, внутренно разгорается гнѣвъ, хочется отомстить заплатить хоть укоризной ближнему; углубляюсь въ сердце и слышу голосъ опять говорить: научитесь отъ Мене яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ. Перенесешь и въ душѣ водворяется миръ и радъ послѣ, что смолчалъ. Не

разъ тяжкія оскорбленія отъ ближняго, клеветы терзали мою душу, возбуждая къ отмщенію, что и могъ бы; но молитва и заповѣдь Божія любите враги ваша, благословите, а не кляните, заставляла меня все прощать, забывать всё наносимыя скорби и смотрѣть на него съ любовію какъ на друга. Вѣра у него была необыкновенно твердая, онъ всегда говорилъ, что если молить Бога о чемъ, то надо твердо вѣрить, что Богъ дастъ и даетъ. И точно ему Богъ все давалъ и помогалъ. Сыновья его были прекрасные. Старшій Александръ въ 1849 г. поступилъ въ монастырь; хотя это нѣсколько и потревожило отца, но какъ онъ всегда пользовался руководствомъ и совѣтами прекраснаго св. старца, великаго подвижника о. игумена Антонія, бывшаго настоятелемъ Малоярославецкаго монастыря и потомъ проживавшаго на покоѣ въ Оптиной пустыни, то старецъ успокоилъ его и просилъ не тревожить сына на избранномъ имъ пути и положиться на Бога, Который всёмъ управляетъ и каждому назначаетъ свой путь, а путь имъ избранный добрый и благонадежный,—такъ онъ успокоится и самъ былъ радъ, что сынъ будетъ молитвенникомъ за семью. Второй Николай служилъ въ Калугѣ по гражданской службѣ и утѣшалъ отца своими прекрасными свойствами и отзывами начальства объ немъ. Третій Иванъ, воспитывавшійся въ Морскомъ Корпусѣ, служилъ морякомъ въ Черномъ морѣ, вполне былъ достойнѣйшій сынъ, но увы недолго утѣшалъ родителей; въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ онъ погибъ во время Севастопольской компаніи, будучи уже лейтенантомъ 24 лѣтъ, батарейный 3 баталіона, 10 мѣсяцевъ. Господь хранилъ его, онъ былъ невредимъ, но 8 Іюля ночью упавшая на бастіонъ бомба осколкомъ разбила ему чашку колѣнки, тотчасъ ногу отняли выше колѣна, поборовшись 3 недѣли со смертію, онъ 30-го Іюля окончилъ свою жизнь какъ герой, какъ мученикъ за царя и отечество; горько оплакивала семья эту потерю, сынъ, который подавалъ много надежды въ будущемъ, такъ всей душой былъ преданъ семьѣ, опора началась бы крѣпкая для старика-отца, но надо покориться волѣ Всевышняго, на Котораго твердая вѣра и упованіе никогда не посрамятъ.

Перенесли эту тяжелую потерю, вскорѣ постигла новая скорбь—тяжкая болѣзнь! Въ 1860 г., будучи уже 70 лѣтъ, С. И. простудился, у него на спинѣ образовался нарывъ, называемый карбункулъ. Въ это время онъ жилъ въ деревнѣ съ старшей дочерью, семейство же все было въ Калугѣ. Боль въ груди была такая невыносимая, думалъ, что дѣлается воспаленіе. Прежде всего послали за священникомъ, исповѣдался и причастился св. Таинъ и, не надѣясь уже остаться живымъ, послалъ за женою и дѣтьми лошадей въ Калугу, чтобы пріѣхали проститься и принять благословеніе. На другой день все семейство было

при немъ, привезли и доктора, который, осмотрѣвши нарывъ, объявилъ, что надо немедленно ѣхать въ Калугу, придется дѣлать разрѣзь. По ужасно ухабистой дорогѣ, это было въ Февраль, повезли больнаго въ большой повозкѣ; дорога столько причинила ему страданій, что едва живаго довели. На другой же день съѣхались врачи, опредѣлили непременно сдѣлать большой надрѣзь, и при этомъ сказали, что больной очень опасенъ, болѣзнь весьма трудная, въ его годы едвали можно вынести. Глубокою скорбію была поражена вся семья; крѣпко молились они за любимаго отца, послали въ Оптину къ старцу о. игумену Антонію, безъ молитвы и благословенія котораго у нихъ ничего въ семьѣ не начиналось, моля его вымолить имъ отца. Старецъ отвѣчалъ: за молитвы дѣтей выздоровѣетъ—будьте покойны. И точно Богъ услышалъ молитву вѣрнаго своего раба о. Антонія: операцию сдѣлали очень удачно, хотя и мучительно для страдальца, и хоть медленно, но сталъ оправляться. Онъ еще разъ пріобщился св. Таинъ и особоровался св. елеемъ. Въ это время онъ видѣлъ необыкновенный сонъ, который уже послѣ его смерти нашли описанный въ его запискахъ.

„Въ ночь съ 17 на 18 числа долго я не спалъ, размышляя, а больше я занятъ былъ богомысліемъ, какъ Господь милосердъ къ роду человѣческому: воплотился, претерпѣлъ столь ужасныя страданія и самую смерть, и какъ мы не благодарны увлекаемся суетою міра сего! Наконецъ подъ утро я заснулъ, и чтоже вижу: будто ни ширмы, которая стояла около моей кровати, ни окошка, ни стѣны, ничего нѣтъ—все чистое, синее, безъоблачное небо, воздухъ чистый, теплый; я гляжу и люблюсь, вдругъ вижу спускается съ неба Ангелъ въ видѣ младенца, какъ рисуютъ на образахъ, неописанной красоты, взоръ его такъ свѣтелъ, я съ благоговѣйнымъ вниманіемъ смотрю на него, въ лѣвой рукѣ его прелестная яблоневая вѣтвь, листья ея мнѣ показались по краямъ какъ-бы позлащенные, а на верху яблоко. Съ какимъ восторгомъ я любовался небожителемъ, какъ все въ немъ было стройно, воздушно, прозрачно, какая улыбка, подобной красоты я никогда не видалъ на землѣ; но взоръ его устремленъ былъ не на меня, и я думалъ, онъ пронесся мимо; кому-то, думалъ, онъ несетъ такой драгоценный подарокъ изъ рая? Какъ только я подумалъ, ангелъ остановился прямо противъ меня, обратилъ свое прекрасное личико ко мнѣ и устремилъ свѣтлые глаза прямо на меня, взоръ его былъ столь прекрасенъ, что я забылъ свою болѣзнь, забылъ все на землѣ. Онъ обратился ко мнѣ и началъ говорить, голосъ его былъ необыкновенно чистъ и звученъ, но не какъ голосъ младенца, а уже юноши, онъ сказалъ: „Эта вѣтвь назначена тому, кто оплакиваетъ свои грѣхи, кто все терпитъ на землѣ. Проси у Бога терпѣнія и когда все перенесешь съ терпѣніемъ,

тогда и тебѣ дадутъ также яблоко!⁴... Сказавши это онъ полетѣлъ и скрылся изъ глазъ моихъ. Я протянулъ къ нему свои грѣшныя руки, воскликнулъ: Ангеле святой, ты помолись, чтобы Богъ далъ мнѣ терпѣніе! Но все кончилось, Ангела нѣтъ, я проснулся, заплакалъ, горько зарыдалъ, что своими грѣхами такъ часто прогнѣваю Господа, отгоняю отъ себя Ангела-хранителя, который столь же прекрасенъ, какъ этотъ. Было уже 9 часовъ, я забылъ время, забылъ все, что около меня сидятъ дѣти, я плакалъ и не могъ остановить своихъ слезъ... Дѣти тотчасъ кинулись ко мнѣ, стали спрашивать: что вы, что съ вами, папенька? позвали мать, и та стала спрашивать: о чемъ ты? Я только и могъ сказать: я оплакиваю грѣхи свои; какіе грѣхи, да ты вчера только приобщался. Да, сказалъ я, приобщался, но не оплакалъ своихъ грѣховъ. Я просилъ ихъ оставить меня и призвать ко мнѣ духовника; я не хотѣлъ рассказывать имъ, боясь, что они будутъ передавать другимъ. Дивны дѣла Твои, Господи! Дивно милосердіе Твое къ грѣшному человѣку!

По выздоровленіи они продолжали жить въ деревнѣ тихо, покойно. Тихая деревенская жизнь очень благотворно вліяетъ на человѣка, а тѣмъ болѣе еще молодого, такъ вліялъ, подъ руководствомъ и молитвамъ св. старца, добрый примѣръ родителей и на дочерей Сем. Ив—ча. Однажды одна изъ дочерей, послѣ общей семейной скорби, видя отца, какъ ей казалось, какъ бы грустнымъ и желая утѣшить, подошла къ нему съ лаской. Папочка, вы скорбите?—„Я? Нѣтъ, другъ мой, я не скорблю, я вѣрую, что такъ угодно Богу, а все что по Его св. волѣ дѣлается, все къ нашей душевной пользѣ; да и то скажу тебѣ, что если молить Бога, то никакая скорбь не тяготитъ душу⁴. Слыша это, дочь спросила дѣтски: Папа, да какъ же любить Бога? Вѣдь и рада бы, да если не имѣешь, не чувствуешь въ сердцѣ такой любви“. Отецъ говоритъ: „О, дружочекъ мой, если хочешь научиться любить Бога, то проси Его, проси съ вѣрою, съ горячностью, и Онъ дастъ тебѣ такую любовь къ І. Христу, что ничего въ мірѣ не пожелаешь, какъ только Его одного!“ Эти слова глубоко запади въ сердце... И за молитвы отца Господь призвалъ къ себѣ его дѣтей; три его дочери желали вступить въ монастырь, жить для Бога и для спасенія души, а 4-я Елена осталась съ ними и посвятила себя на служеніе престарѣлымъ родителямъ. Съ благословенія старца о. игумена Антонія, который самъ и ходатайствовалъ, чтобы не препятствовать имъ, говоря, что у васъ останется еще дочь, а Богъ Своєю милостью не оставитъ васъ за это. Въ 1864 г. 1 Октября, на Покровъ. Пр. Богородицы, онѣ вступили подъ кровъ царицы Небесной въ Казанскій Калужскій дѣвичій монастырь.

Надо сказать, что о. игуменъ Антоній былъ особенно расположенъ къ С. И. Съ какой любовью онъ всегда его принималъ, и когда случилось, что дѣти, по молодости, не понимая всей христіанской любви его, бывало поропщуть на отца и откровенно высказывали это старцу, то онъ всегда говорилъ имъ: нѣтъ ужъ вы, мои голубушки, не скорбите на родителя, я вамъ скажу: дающая рука не оскудѣетъ, и всегда добавитъ: берегите, покойте старца.

Съ годами, имѣя 75 лѣтъ, старецъ все сталъ слабѣть, хозяйство утомляло и затрудняло его все болѣе и болѣе, онъ рѣшился просить благословенія о. игумена продать имѣніе. Въ это время къ общей скорби самъ старецъ о. игуменъ, и всегда болѣзненный, сильно занемогъ. Дали знать въ деревню, тотчасъ собрались ѣхать С. И. съ женой и дочерью, которая осталась при нихъ, отправились въ Оптину; застали еще живого. Старецъ благословилъ всѣхъ образами, и отсутствующихъ, давалъ послѣднія наставленія для жизни, благословилъ продать имѣніе и даже назначилъ и цѣну за сколько отдать (что точно и исполнилось), благословилъ С. И. по продажѣ имѣнія переселиться пожить послѣдніе годы жизни въ уединеніи, въ монастырѣ, именно въ Тихоновой пустыни. Когда С. И. сталъ просить старца помолиться, чтобы спасти ему душу, говоря, что боится смерти, боится грѣховъ, какъ предстать на судъ Божій, то старецъ сказалъ: царствіе небесное будетъ ваше; идите, батюшка, и дѣтокъ за собой ведите. По кончинѣ старца, который столько лѣтъ былъ отцемъ, руководителемъ всего семейства, С. И. сталъ хлопотать о продажѣ имѣнія; все случилось какъ предсказалъ старецъ, покупатель нашелся, но выше назначенной о. игуменомъ цѣны не давалъ, такъ и отдали. С. И., расплатившись со всѣми долгами и успокоившись вполне, разстался съ міромъ, съ женою и дочерью, которыя переѣхали въ Калугу къ сыну, а самъ переселился въ тихое пристанище, въ Тихонову пустынь, оплакивать свои грѣхи, какъ говорилъ самъ. Въ 1865 г. въ Декабрѣ онъ пріѣхалъ въ обитель; о. архимандритъ съ любовью его принялъ и былъ его духовнымъ отцомъ; дали ему маленькую келейку и послушника. Не легко было С. И., не говорю разстаться съ міромъ, этого онъ давно желалъ, суетная жизнь тяготила его, но разстаться съ семьей, которая такъ глубоко чтила его и готова была всѣмъ жертвовать, чтобы его покоить. Старецъ самъ желалъ покоя; онъ желалъ хотя остатокъ дней своихъ посвятить Богу, приносить покаяніе, вѣруя, что и пришедшихъ въ единадесятый часъ пріемлетъ Господь. И тутъ-то сталъ подвизаться старецъ; не смотря на свои уже 76 лѣтъ, со всею юношескою ревностью принялся онъ за подвиги, службу церковную никогда не упускалъ; привыкнуши всю жизнь ложиться за полночь, онъ и теперь ко-

нечно не могъ уже оставить этой привычки, съ которой какъ бы сжился. Онъ едва засыпалъ, какъ въ 2 часа являлся будильщикъ къ утрени, и старецъ кряхтя поднимался и спѣшилъ къ началу, выстаивалъ иногда за утреней и раннюю обѣдню, а когда позднюю, тогда онъ хоть часикъ между службами могъ отдохнуть. Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ онъ сильно занемогъ, и о. архимандритъ, зная его духовную жизнь, такъ какъ онъ былъ его духовнымъ отцомъ, постригъ его въ мантию и нарекъ Сергіемъ. Новоначальный инокъ просилъ у Бога, чтобы хоть годокъ далъ ему пожить на покаяніе, на оплакиваніе своихъ грѣховъ. Но милосердный Господь далъ не годокъ, а 10 лѣтъ онъ подвизался, съ терпѣніемъ неся свой тяжелый крестъ.

Приготовляясь однажды къ принятію св. Таинъ и исповѣди, о. Сергій написалъ генеральную исповѣдь, т. е. всѣ какъ припомнилъ грѣхи отъ юности и положилъ въ ожиданіи назначеннаго времени исповѣди эту записку на божницѣ за образа. Отдохнувши часокъ послѣ обѣда, онъ сидѣлъ на кровати и размышлялъ о своихъ грѣхахъ; вдругъ видитъ вошли двѣ старухи въ лохмотьяхъ безобразнѣйшаго вида, и одна прямо къ образамъ и протянула уже руку по направленію, гдѣ лежала записка. О. Сергій сотворилъ молитву и крикнулъ: зачѣмъ ты тутъ, прочь пошла; другая схватила ее за рукавъ, и обѣ вышли. Онъ всталъ за ними, никого нѣтъ, дверь заперта. Чтѣ за странное явленіе? Видно, врагу не нравилось, что хотять его обличить и очистить совѣсть.

Дряхлость и болѣзненная старость всегда требуютъ покоя, а онъ лишалъ себя его и, можно сказать, вполнѣ: язвы Господа Іисуса на тѣлѣ своемъ носилъ. Кромѣ всегдашнихъ недуговъ старости, онъ еще страдалъ грыжею, которая иногда причиняла ему тяжелыя страданія; по Средамъ и Пятницамъ утромъ не пилъ чаю, еще въ деревнѣ онъ по какому-то обѣщанію наложилъ на себя этотъ постъ и до самой смерти соблюдалъ его, въ семьѣ когда былъ, уже любовь близкихъ найдеть, чтобы чѣмъ подкрѣпить старичка, но одинъ онъ лишалъ себя. Бывало, его монахини пріѣдутъ, и жалко имъ старичка, изнемогаеть, стануть просить его нарушить правило,—нѣтъ никогда. Или когда, бывало, пришлютъ ему что изъ Калуги, не скушаетъ самъ, все разошлетъ кому изъ братіи. Но Господь судилъ послать ему еще тяжчайшее испытаніе—онъ ослѣпъ. На одномъ глазу у него давно былъ катарактъ, его взялись лѣчить въ Калугѣ и испортили; но это бы еще ничего, съ однимъ глазомъ онъ 10 лѣтъ жилъ и продолжалъ заниматься, всегда читалъ, писалъ, любилъ дѣятельно заниматься уметвенно. Но лишиться совсѣмъ зрѣнія—тяжкое испытаніе, величайшая скорбь! Въ его годы операцію уже дѣлать рисковано, да и съ вѣрою, спрося со-

вѣта у старца, котораго читль, получилъ отвѣтъ: довольно, батюшка, посмотрѣли, теперь заботьтесь о просвѣтлѣніи внутреннихъ очей. Такъ онъ рѣшился терпѣть это лишеніе. О трудности его и говорить нечего, еще бы! Въ семьѣ окруженному заботами близкихъ и то не легко; а одному на чужихъ рукахъ приходилось немало терпѣть. Келейники не всегда попадались добрые, были и такіе, которые обращались съ нимъ не церемонно, грубо, молодой народъ скучаетъ ходить за старцемъ, они не понимаютъ всей пользы этого послушанія, тѣмъ болѣе что и старецъ-то былъ тихъ и кротокъ, какъ рѣдко встрѣтишь, но имъ скучно. Бывало, старцу хочется, чтобы ему почитали что, или принесутъ письма изъ Калуги отъ дѣтей, ему хочется скорѣе знать, такъ какъ это было любимое его утѣшеніе, а они уйдутъ себѣ, бросая его одного, терпятъ, ждетъ, никогда не жаловался; случалось, что пріѣдутъ дѣти, онъ съ ними подѣлится скорбями, но строго запретить, чтобы не говорили о. архим. Моисею, зная, что онъ тотчасъ перемѣнитъ, потому что очень любилъ его и желалъ успокоить, но такъ попускалъ Господь. Бывало, скажетъ: ни слова не передавайте батюшкѣ; вы знаете, что я за свои грѣхи и больше достоинъ потерпѣть, а это такъ только подѣлиться съ вами рассказалъ; я за брата усердно молюсь и вѣрую, что Господь его самъ обратитъ ко мнѣ любовію. Да и всего передать нельзя что приходилось потерпѣть. Но взявши на рамена крестъ Христовъ, онъ терпѣливо несъ его. Последніе годы Богъ утѣшилъ его: у него былъ прекрасный послушникъ, который, какъ сынъ за отцемъ, съ любовію служилъ и успокоивалъ его. Какъ всегда радъ былъ старецъ, когда пріѣзжали къ нему дѣти! Это бывало единственное его утѣшеніе; съ какою любовію онъ ласкалъ ихъ: дѣточки мои, монашечки мои драгоценныя, всегда называлъ ихъ и бывало не знаетъ ужъ чѣмъ утѣшить. Этой любви, этой ласки имъ никогда не забыть. Тутъ уже онъ много имъ открывалъ о своей прошлой жизни, о своей духовной жизни еще въ Америкѣ, какъ о. Германъ училъ его непрестанной молитвѣ, такъ что онъ въ сердцѣ всегда имѣлъ І. Христа и проч. благодатныя ощущенія. Память у него была о прошломъ очень свѣтла, настоящее же забывалъ. Всегда говорилъ, что его первая молитва была за враговъ его, которые много причиняли скорбей, и слава Богу я всѣмъ имъ простилъ и не только простилъ, но благодарю моего Господа, что попускалъ имъ оскорблять меня и смирялъ меня и всегда добавитъ: благо мнѣ, яко смирилъ мя еси! Иногда Господь утѣшалъ его душу, посылалъ ему отрадныя видѣнія. Однажды онъ, подойдя прикладываться къ ракъ преп. Тихона, увидѣлъ свѣтъ и руку преподобнаго. Иногда онъ видалъ икону Царицы Небесной, она долго стояла въ его глазахъ, и это явленіе утѣшало его. Да, безъ бла-

годатныхъ утѣшеній отъ Господа трудно бы человѣку и вынести все лишенія и скорби. Семейство нерѣдко посѣщало его, а два раза въ годъ пріѣзжали и монахини; какъ радъ былъ старецъ, дѣтки утѣшались онъ ихъ разказами, какъ ласками; прогостивши бывало недѣлку, онъ все свободное отъ церковной службы время проводили съ нимъ. Иногда, случалось, придуть послѣ обѣденнаго отдыха, потихоньку отворятъ дверь, думаютъ не отдыхаетъ ли еще, чтобы не потревожить, а старичекъ въ маленькой мантийкѣ, съ четками въ рукахъ, стоитъ на колѣняхъ, слезы льются по старческимъ ланитамъ, онъ не слышитъ вошедшихъ, слухъ уже притупился, но чуткимъ ухомъ онъ ясно слышать шопотъ его молитвы: горячо старецъ молится о дѣткахъ. Невольно и у нихъ вызываетъ слезы эта молитва, постоять $\frac{1}{4}$ часа, да и выйдуть, чтобы не тревожить, не смутить этой святой молитвы. Походятъ съ $\frac{1}{2}$ часа и придуть опять, а старецъ уже встрѣчаетъ ласковымъ упрекомъ: что же вы, я давно всталъ и жду чаю, напоите меня. А кто можетъ знать и видѣть все тѣ молитвы и слезы, которыя въ одиночествѣ онъ проливалъ, зримыя однимъ Всевидящимъ? Съ каждымъ годомъ о. Сергій все ослабѣвалъ, за 3 года до смерти онъ принялъ великій ангельскій образъ—схиму и готовился къ исходу; каждую недѣлю по Суботамъ приобщался св. Таинъ. Въ этотъ же годъ, именно въ 1883 переселился къ нему въ обитель и сынъ его іеромонахъ Христофоръ, который полагалъ начало въ Оптиной пустыни, потомъ былъ въ миссіи въ Іерусалимѣ 7 лѣтъ и наконецъ перешелъ въ Тихонову пустынь. Это очень утѣшило старца-отца. Утѣшало также старца, когда его посѣщалъ Калужскій преосвященный Григорій, котораго о. Сергій очень чтилъ. Пріѣзжая въ Тихонову пустынь, владыка всегда заходилъ навѣщать старца, побесѣдовать съ нимъ; послѣ о. Сергій съ большимъ утѣшеніемъ рассказывалъ о его посѣщеніяхъ. За годъ до его кончины посѣтилъ его именитый гость, князь Ширинскій-Шахматовъ; еще бывши молодымъ человѣкомъ, онъ съ Начитовымъ былъ въ Калугѣ у Яновскаго; а теперь, бывши проѣздомъ въ Калугѣ, пожелалъ повидаться съ бывшимъ своимъ товарищемъ по корпусу, Яновскимъ о. Христофоромъ, а также посѣтилъ и о. Сергія. Безъ всякихъ орденовъ, въ наглухо застегнутомъ сюртукѣ ходилъ князь по монастырю, и никто не зналъ, что это тайный совѣтникъ, товарищъ министра; въ убогой келейкѣ, у кровати больного старичка сидѣлъ князь съ часъ, и надо было видѣть, съ какимъ смиреніемъ испрашивалъ онъ молитвъ о себѣ и своему семейству. Послѣ о. Сергій не могъ безъ слезъ вспомнить его посѣщенія.

Въ 1874 г., на 73 году жизни, скончалась его добрая жена, болѣе 40 лѣтъ раздѣлявшая съ нимъ все трудности и невзгоды жизни. И

всегда съ молоду слабая, болѣзненная, она послѣдній годъ 10 мѣсяцевъ лежала на болѣзненномъ одрѣ, тяжело недугуя, но терпѣливо несла страданія; за два дня до кончины она послала къ преосвященному Григорію просить благословенія и св. молитвъ, что ей уже очень трудно. Владыка велѣлъ сказать: пусть потерпитъ еще немного, за то всѣ ея страданія уже окончатся здѣсь. Такъ 17 Мая, послѣ всѣхъ христіанскихъ напутствій, благословивъ всѣхъ дѣтей, которыя всѣ были при ней, она тихо предала душу свою Богу. Похоронили ее при церкви св. Креста въ Калугѣ. О. Сергій по слабости не могъ уже поѣхать проститься съ ней, ни на похороны; въ церковь еще выходилъ иногда и то больше его возили, зимой на саночкахъ, а лѣтомъ на самокаткѣ послушникъ возилъ; съ большимъ трудомъ выстаивалъ праздничную долгую службу, больше сидѣлъ, но очень утѣшался, когда бывалъ во храмѣ, и какъ самъ говорилъ, что иногда съ такимъ трудомъ шель, что, кажется, умру тамъ, ну что же рѣшался; думаю, умру въ церкви, такъ и хорошо: монаху надо до самой смерти ходить въ храмъ.

Сынъ его Николай былъ уже женатъ, въ 1873 г. онъ женился, а черезъ годъ о. Сергій дождался и внуки; возблагодарилъ Господа и за сію великую милость. Какъ самъ говорилъ: все, все для меня Господь сдѣлалъ, о чемъ я молился, все далъ, теперь молю объ одномъ—подать мнѣ христіанскую кончину и добрый отвѣтъ на страшномъ судѣ Христовомъ. Съ наступленіемъ новаго 1876 г., въ самый день, старецъ заболѣлъ, слегъ въ постель и болѣе уже не вставалъ съ нея. Дали знать въ Калугу; дѣти на другой же день пріѣхали, всѣ были около него, кромѣ сына Николая, у котораго въ это время заболѣла малютка-дочь крупомъ. Старецъ былъ въ полной памяти, но ослабѣлъ, видимо жизнь его догорала, какъ свѣтильникъ, въ которомъ оскудѣваетъ елей. Слабымъ голосомъ онъ давалъ еще послѣднія наставленія, съ глубокимъ чувствомъ благодарности взывалъ ко Господу, благодарилъ за всѣ ниспосланныя ему милости во всю его долготѣнную жизнь. Неизреченно благъ ко мнѣ Господь, такъ говорилъ онъ, сколько милостей я получилъ отъ Господа... что выразить не могу!.. Все поджидалъ онъ сына и видимо боялся, что онъ не застанетъ его; его особоровали св. елеемъ. Наконецъ 5 числа пріѣхалъ Николай; онъ очень былъ утѣшенъ, уже чуть слышнымъ голосомъ говорилъ ему въ послѣдній разъ, благословилъ его крестомъ, всегда висѣвшимъ у него въ кельѣ и отпустилъ обратно въ Калугу, потому что у него больна была дочь. 5 числа въ послѣдній разъ онъ причастился св. Тайнъ. Всю ночь дочери сидѣли около кровати, ожидая кончины, но ночь прошла, старецъ еще дышалъ слабо, кончилась обѣдня на Богоявленіе, пришли съ крестами

окропили св. водою. Въ 3 часа дыханіе стало все тише, тише, въ $\frac{1}{2}$ 4 послѣдній тяжелый вздохъ, и двѣ выкатившіяся слезинки дали знать, что почилъ подвижникъ. Необыкновенно тихая была кончина, какъ лампадникъ догораетъ, угасла жизнь, или какъ младенецъ заснулъ онъ праведнымъ сномъ; на лицѣ была улыбка, необыкновенно пріятное было выраженіе лица; кажется, все бы смотрѣть на него!

Какъ обычно, ударили 3 раза въ колоколъ. По опрятаніи тѣла іеромонахи одѣли во все схимническое одѣяніе и положили на одрѣ. о. архимандритъ облачился, съ 2 іеромонахами, отслужили большую панихиду, какъ обычно началось чтеніе Псалтири. Пріѣхалъ и сынъ Николай Сем., привезъ все нужное къ погребенію, хотя старецъ и говорилъ, чтобы его хоронить, какъ можно проще, но по желанію сына все было торжественно. На 4 день, т. е. 9 числа было погребеніе схимническое, все какъ слѣдуетъ по уставу, весьма торжественно отпѣвали о. архимандритъ съ большимъ соборомъ, почтили смиреннаго схимонаха. Тѣло ничего не измѣнилось, все тоже пріятное выраженіе. Похоронили его возлѣ церкви, поплакали дѣти надъ дорогимъ отцомъ молитвенникомъ, кинули послѣднюю горсточку земли въ его могилу... и все кончилось! Вѣчная тебѣ память, схимонахъ Сергій!..

Не долго пережилъ старца отца и сынъ его іеромонахъ Христофоръ.

17 Апрѣля, день ангела при крещеніи о. Сергія, о. Христофоръ служилъ, поминалъ отца, на другой день Воскресный опять готовился служить, и какъ онъ имѣлъ обыкновеніе не ложиться спать, когда готовился, то и въ этотъ разъ ночью совершалъ свое правило. Было 2 часа; онъ читая зацѣпилъ какъ-то книгою лампу, она упала, разбилась, и керосинъ загорѣлся, но его такъ было мало, что онъ счелъ это ничтожнымъ и, не позвавши въ помощь келейника, хотѣлъ самъ затушить, но какъ на немъ были брызги и въ добавокъ онъ былъ въ легкомъ льняномъ балахонѣ, то и вспыхнулъ. Слѣдовало бы тотчасъ накинуть, что нибудь тяжелое, одѣяло или тулупъ, который тутъ же и висѣлъ, но онъ забылъ это и началъ тушить руками. Видя, что все безуспѣшно, крикнулъ келейнику, что горю, а тотъ со сна, не разобравши въ чемъ дѣло, думалъ, что келья горитъ, выбѣжалъ изъ кельи и началъ кричать, созывать народъ, что келья горитъ. Когда вернулся, то бѣдный о. Христофоръ уже упалъ на полъ и все еще горѣлъ, тутъ онъ вылилъ ведро воды на него, но было уже поздно. Несчастный страшно обгорѣлъ, съ самыхъ ногъ до пояса.

Тотчасъ послали въ Калугу за докторомъ, но скоро-ли это? 17 верстъ! Докторъ пріѣхалъ, употреблялъ всѣ средства, просилъ, чтобы перевезти въ Калугу, такъ какъ леченіе неудобно такъ далеко.

Пріѣхали и родные, братья, сестры, надѣясь еще помочь; они перевезли его въ Калугу, въ квартиру брата Николая С., но ничего не могло спасти. Не надѣясь жить, о. Христофоръ просилъ совершить надъ нимъ таинство елеосвященія и постричь его въ схиму, что и было совершено пріѣхавшимъ настоятелемъ съ 2-мя іеромонахами; постригли въ схиму съ именемъ Александра; каждый день причащался св. Таинъ. За часъ или менѣе до кончины онъ открылъ глаза, которые передъ этимъ были закрыты, весело, такъ весело улыбнулся, что удивилъ всѣхъ, крѣпко жаль руку стоявшей около него сестры и радостно заговорилъ: милость Божія, слава Богу! Потомъ смолкъ. Черезъ нѣсколько минутъ снова открылъ глаза, окинулъ всѣхъ родныхъ стоявшихъ около его кровати, поднялъ руку, благословилъ, взглянулъ на висѣвшій подлѣ него образъ Б. Матери... Такъ и остановились глаза, устремленные на ликъ Царицы Небесной. Лицо покрылось смертной блѣдностью. Ни вздоху тяжелаго, ни малѣйшей судороги, такъ что окружающіе нѣсколько минутъ недоумѣвали: кончено ли все или нѣтъ. Но увы, все уже кончилось! Не стало любящаго брата. Страданія земныя кончились, и душа отлетѣла въ небесныя селенія, 25 Апрѣля въ 10 часовъ, во время поздней обѣдни.

Настоятель о. архимандритъ и вся братія желали, чтобы отпѣвали его въ обители, потому и просили преосвященнаго разрѣшить имъ отвезти тѣло въ обитель для погребенія. Преосвященный дозволилъ, но чтобы это было попозднѣе, вечеромъ, когда не такъ людно въ городѣ, что и исполнили. Въ 9 часовъ вечера 3 священника отслужили панихиду и сдѣлали выносъ тѣла. Вечеръ былъ необыкновенно тихій, теплый, такъ что ни одна свѣча не гасла, необыкновенное было шествіе въ такую позднюю пору; всѣ спрашиваютъ: что значить, кого хоронять, и когда скажутъ схимника въ Тихонову пустынь, всѣ идутъ; такъ что собралась большая толпа народа; хотѣли сдѣлать потише, но вышло это и торжественно, и умилительно смотрѣть на это ночное шествіе. Такъ продолжалось до заставы, тамъ поставили на дроги и повезли: сестры провожали, а другой день утромъ пріѣхалъ и братъ съ женой къ обѣднѣ и отпѣванію. Положили его рядомъ со старцемъ-отцомъ въ одномъ склепѣ, и одинъ памятникъ напоминаетъ о двухъ почившихъ схимонахахъ!

